

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Анна Ермолаева
Николай Захаров
Смутные времена. Книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650335

SelfPub; 2019

Аннотация

Как это ни прискорбно осознавать, но вся история России – Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Продолжение "Жуликов и авантюристов". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	56
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

В Сибирской пирамиде стояла тишина и на нижнем ее уровне, при появлении Михаила с Сергеем, вспыхнувший свет разогнал мрак, а им навстречу выскочил дежурный «прапор». Мазнув передним манипулятором по видеосенсорам, он доложил с пионерским задором:

– За время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось, за исключением... – тут «прапор» сделал паузу, прокашлялся и голосом Силиверстовича продолжил:

– ... змеища вползла одна, обезврежена, однако, своевременно и выпровожена прочь, за периметр, а более ничего не произошло.

– Змеища-то, каким образом проникла?– поинтересовался Сергей.

– Нашла щель, зараза. Тут такое дело, подвижки со стороны реки обнаружены. Грунт подмывает и секции проседают. Образуются зазоры, вот она и прошмыгнула,– зачастил «прапор» с явными нотками озабоченности в голосе.

– Какие меры предприняты для прекращения этих подвижек?– Сергей заинтересовался информацией и невольно так же подпустил в голос озабоченности.

– Устранено. Подвижка разовая. Анализ показал, что в ближайшее время таковых не предвидится,– забормотал во все сконфуженным голосом «прапор». Очевидно, задава-

емые последовательно вопросы воспринимались программой, как требующие все более покаянных эмоционально ответов и следующий вопрос Сергея:

– Вы уверены?– подтвердил эту догадку, так как «прапор» буквально рухнул «на колени», поджав под себя манипуляторы передние и отклячив потешно задние. При этом он истошно завопил, но уже не голосом Силиверстовича, а голосом Пашки.

– Век, воли не видать, Хозяин. Падлой буду. Вот те крест.

– Ну, это уж чересчур,– заметил Михаил, с укоризной взглянув на Сергея.– Что ты там насовал ему в мозги? Что-то я не помню, чтобы Павлушка так изъяснялся.

– Да не совал я ни чего,– принялся оправдываться Сергей.– Ввел в память несколько фраз нейтральных типа «Добрый день», а эти ухари сами уже как-то фразы лепят. И получается вполне правдоподобно, раз ты монтажа не замечаешь.

– Они что из букв слова лепят?

– Ну да. Главное чтобы материала было достаточно, на всю фонетику и морфологию,– Сергей нагнулся и постучал по корпусу «прапора» ладонью.– Сообразительные, просто жуть. Гуляй, служивый, пока свободен. Благодарю за службу.

– Рад стараться!– рявкнул тот голосом Сергея и зашуршал прочь, раскатываясь Петром Павловичем, требовательно и сурово: – Всем работать по плану.

– Фонетика и морфология говоришь? Это где же они уместились в одной фразе «Добрый день»?

– Ну-у-у, это я упростил, конечно, и пришлось записать у Павла еще несколько слов. Десятка полтора, пока они с Петром рубились на фехтовании. Потешно так наблюдать. Кстати, я им завидую, явно делают успехи и какой-нибудь Карл, вряд ли сможет так просто, как тебя, кого-нибудь из них проколоть. Способные пацаны у тебя, Миха.

– Ты мне зубы Карлом не заговаривай,– Михаил вдруг подмигнул Сергею.– Как ты думаешь, если Верка голосом Аннушки заговорит – это тебя сильно шокирует?

– С чего это она заговорит?– Сергей погладил по холке замершую рядом Верку.– Я ей такую команду отдавать не собираюсь.

– Я отдам и заодно распоряжусь твои команды игнорировать насчет голоса,– засмеялся Михаил, приводя Сергея в мрачное расположение духа.

– Вот так, значит? Голосом Аннушки значит, чтоб? Против я – само собой. И что-то не верится мне, что ты сможешь Верке, запретить мои команды выполнять. Она ведь настроена на то, что я №1-н. Но идея мне не нравится, в любом случае. Забудь. И потом сравнил «прапора» и Верку. Ты ведь на «прапоре» верхом не скачешь?

– Не скачу, но голос Павлушкин из этого паучины, что-то слышать не хочется даже изредка. Чего доброго и на самом деле по фене приучиться загигать. Знаешь ведь сам, какая это зараза. Выскакивает потом на автомате.

– Уговорил, уберу Павлуху, ну и Петруху заодно из памя-

ти «прапоров», но и ты не лезь в мозги к Верке. Знаю я тебя. Раз брякнул, что можешь, значит, проверил наверняка. Пошли в диспетчерскую, заодно журнал мазаришарифский посмотрим.

В диспетчерской, привычно рассевшись за столом управления, Сергей минут пять щелкал по клавиатуре, что-то исправляя в настройках здесь в Сибири, потребовав свежесваренный кофе.

Михаил не стал спорить и эти же пять минут потратил на сервировку столика, водрузив на нем кроме кофейника еще и тарелку с бутербродами. Сергей кинул искоса взгляд в сторону исходящих паром чашек и, ткнув пальцем в клавишу, сообщил:

– Сделано. Теперь голосом Хазанова будут докладывать.

– Откуда Хазанова взял?

– Откуда? От верблюда. У Верки в файлах оказался, – Сергей пересел от стола управления к кофейному и потер руки. – Хорошо ты насобачился, Миха, кофе готовить. Молодец. Где варил?

– У тебя дома. Там нет сейчас ни кого. Ты что кофейник не узнаешь?

– То-то я смотрю, цвета знакомые, – Сергей повернул в руке чашку, рассматривая рисунок. – А бутерброды откуда?

Холодильник вроде там пустой. Где строгал?

– В кофейне, что рядом с вашим домом. Вопрекл даже, когда мимо повара нес. Там такой дядька бдительный попал-

ся, чуть тарелку не перехватил,— Михаил щелкнул пальцами и чайная ложка, стартовав со столика, закружилась вокруг головы Сергея, выписывая эллипсы.

— Хорошо в своем времени все же,— вздохнул Сергей, отмахиваясь от ложки.— Убери, если не хочешь увидеть летающий кофейник,— добавил он, когда ложка вильнув, обошла его ладонь и завращалась по расширившейся траектории.

— Попробуй сам убрать. Или слабо?— Михаил озорно улыбнулся.— Пора бы уже научиться.

— Твое, моим задавить? Даже и пробовать не стану,— Сергей откусил от бутерброда и принялся сосредоточенно жевать, поглядывая на мелькающую периодически перед глазами в полуметре чайную ложку. Летящая черпаком вперед она слегка покачивалась, будто плыла по волнам и казалась вполне доступной и безобидной. Рука Сергея рванулась, перехватывая ее, появившуюся вновь и поравнявшуюся с носом, но ложка проворно отпрыгнула в сторону и увеличила эллипс еще на пару метров, ликвидировав возможность перехвата даже теоретически.

— Магией дави,— подсказал Михаил.

— Да ты же лезешь и мешаешь,— буркнул Сергей.— Выйди-ка вон в коридорчик, чтобы я уверен был, что не суешься.

— Больно надо соваться. Просто я команду ей дал в руки не даваться. Даже не пытайся. Снимай левитацию М.Э. Браслетик одень, раз своей не хватает. Ладно, выйду, уговорил,— Михаил, подхватив чашку с кофе и бутерброд, вышел

из диспетчерской. В коридоре-холле он соорудил кресло и журнальный столик, практически автоматически и без усилий. Уселся в заскрипевшую кожу и, поставив чашку на столик из пластика, прислушался. Дверь глушила звуки и Михаил хмыкнув, прикрыл глаза рукой. К его удивлению он увидел Сергея, крепко сжимающего в кулаке ложку. Та явно пыталась вырваться и рука у Сергея дергалась, напрягаясь.

– Во дает, Серый,– прошептал Михаил.– Как это он умудрился? Такого быть не должно.

А Сергей давил руку к столику, пытаясь припечатать ложку к столешнице, будто таким образом мог сломить ее сопротивление. Губы у Михаила расплзлись в улыбке: – Ну, еще чуть-чуть,– прошептал он, переживая за друга.

А тот что-то бормотал, яростно скалясь и, вдруг чуть не рухнул на столешницу следом за сдавшейся ложкой. Вовремя разжав руки, он уперся ладонями в стол и устоял на лежащую там же и ложку. Шевельнул ее толчком указательного пальца и, убедившись, что победа одержана, снова зашевелил губами. К удивлению Михаила, ложка буквально взвилась, стартанув вверх и понеслась по помещению с гораздо большей скоростью, повыше и вращаясь пропеллером.

– Ну, блин. Теперь выпендриваться начнет, что еще и круче сделал,– Михаил открыл глаза и отхлебнул из кружки. Кофе был еще горячий и, когда дверь в диспетчерскую уползла вверх, а в образовавшемся проеме показалось торжествующее лицо Сергея, он даже голову в его сторону не стал пово-

рачивать, сделав вид, что кофе и бутерброд – это все что его сейчас интересует.

– Ладно прикидываться, что уши заложило. Отрывай зад. Здесь тебя сюрприз ждет, – злорадно произнес Сергей и даже руки потер нетерпеливо.

– Перетопчешся. Пока не доем, не встану. Что за манера шпынять? То «выйди-ка вон», то «отрывай зад»? – Михаил откусил очередной кусок и принялся жевать, прихлебывая из чашки горячий кофе мелкими глотками.

– Вот так да? – Сергей обиженно набычился. – Я, между прочим, старался и не только задавил твою магию, а даже свою установку дал и теперь твоя очередь напрягаться. Между прочим, обошелся своими силами – без браслета.

– Чт-о-о? – Михаил даже жевать перестал и, поставив чашку на стол, резко встал из кресла.

– Нормально напрягся и теперь эта фигня летает так, как я захотел, – Сергей сделал приглашающий жест рукой. – Прошу, сэр, убедиться.

Ложка неслась по орбите, мелькая в лучах электрических то ручкой, то черпаком и едва не скребла при этом по стенам диспетчерской под самым потолком.

– Высоко подвесил, руками не достать, – прикинул Михаил высоту.

– На стол встань, – посоветовал Сергей, довольно ухмыляясь.

– Обойдусь как-нибудь, – Михаил щелкнул пальцами, и

скорость вращения по орбите увеличилась настолько заметно, что даже воздух зафырчал, разрезаемый вращающимися плоскостями.

– Ты не разгоняй, а останавливай, давай,– забеспокоился Сергей.

– Я пробую, но она все делает наоборот. Видать, ты сильное заклятие на нее наложил,– Михаил поплевал в ладони и снова щелкнул пальцами. В результате ложка взревела и размазалась сплошной полосой над головами, шевеля на них волосы воздушными потоками.

– Ты что делаешь?– заорал Сергей.– Дай я сам.

– Что сам?– Михаил присел к диспетчерскому столу и заморожено уставился на светящийся круг.– Класс, сейчас плавиться начнет от трения,– сообщил он Сергею и тот поспешно запрыгнул в центр помещения.

– Брызги полетят все равно в разные стороны, она же пропеллером вертится,– продолжил комментарии Михаил.– «Завесу» активируй, пока не ошпарило. Или останавливай.

Сергей дернулся рукой к карману, потом взглянул вверх и, выпрыгнув тремя скачками из помещения, крикнул:

– Сам одевай,– и захлопнул за собой дверь. Полотно чавкнуло пластиком о пластик и придержанное снаружи, замерло.

– Ну вот, приколоться, как следует, не дал, выскочил и все испортил,– Михаил вздохнул и, щелкнув пальцами, остановил фырчащую ложку. Она дисциплинированно спикирова-

ла вниз и ткнулась в чашку с остывшим кофе, так и недопитым Сергеем. Булькнула и замерла. Белая пенка каемкой украсила натюрморт и Михаил поднявшись, прошел к дверям. Дверь послушно уползла вверх и стоящий за ней Сергей спросил:

– Ну как?

– Что как? Нормально. Вон, в чашке с твоим кофе. Можешь пить, пока горячий.

– Да иди ты... Так нагрелась в полете, что кофе согрела?– не поверил тот и подойдя к столу, склонился над чашкой, заложив руки за спину. Визуально определить, однако, не смог подвоха и осторожно дотронулся рукой сначала до чашки, выпростав ее из-за спины и поплевав на пальцы, будто собирался проверять электроутюг.

– Что-то ты робок больно стал, Серега?– Михаил уселся в принесенное из холла кресло и подзадорил Сергея, побрякав ложечкой в своей чашке.

– Щас. Мы воробьи стреляные, нас хрен на мякине проведешь,– Сергей взглянул в его сторону недоверчивым оком и щелкнул ногтем по черенку ложки. Щелчок получился глухой, и чашка развернулась, скользнув по пластиковой поверхности.– Вот и вся твоя хитрость!– удовлетворенно произнес Сергей. Заморозил и думаешь, я схвачу и пить эту дрянь стану, не проверив? Да-а-а, Миха. Обижа-аешь. Со всем за лоха держишь?

– Ну, почему не попробовать? А вдруг? Хотя об этом я

как раз и не думал. Просто хотел тебе задачку предложить попроще. И выходить мне не нужно, потому что ложка зафиксирована намертво. А твоя задача освободить сей столовый прибор и желательно кофе вернуть в первоначальное состояние. Раз ты так продвинулся в магических искусствах, что и браслет тебе не нужен. Давай, яви миру мастерство. Награду обещаю самую, что ни на есть настоящую. Любой орденом на выбор. Орден Красной Звезды или Знамени, опять же, Красного. Чего изволите?

– Оба давай, – Сергей потер грудь ладонью, разглаживая майорскую гимнастерку. – Ты всех заваливаешь орденами, кроме меня – это не правильно. Мне давно положено звание как минимум генерала армии и орденов десятка четыре разных. А ты жмешься. Перстами щелкнуть лень ради друга. Вот прикинь, хотя бы за этот рейд по тылам и фронтам Второй Мировой. За заводошко только в Аушвице, как минимум звезда Героя с орденом Ленина положена, я уж про сбитые самолеты и сожженные танки и не вспоминаю. За каждый вынь, да положь, если по справедливости. Ну-ка вспомни, сколько там сгорело асов немецких?

– Много сгорело, тут ты прав, заслужил. А вот интересно, если все награды тебе положенные за каждый эпизод воспроизвести, то унесешь или нет? – Михаил принялся загибать пальцы, прикрыв глаза и шевеля губами.

– Э? Э? Ты чего там бормочешь? Поделись намерениями? Чего удумал-то? – Сергей схватил чашку с застывшим кофе

и яростно дернул ложку за ручку. Ложка согнулась, но из каменного напитка вылезать не захотела.

– Ничего такого, наградной лист оформляю, оптовый, с перечнем всех подвигов майора Сереги,– Михаил почесал лоб и спросил деловито: – Из какого металла будем ковать награды?

– То есть как из какого?– не понял Сергей.– Из какого – всем, другим героям. Не из чугуния же?

– Ну, чугуний я сразу исключил. Обижаешь. Но есть еще масса различных металлов благородных и не очень, зато легких. Дюралюминий, например или титан. Очень удобно, практично и от настоящего золота или платины, если анодировать качественно, не отличить.

– Да иди ты со своим дура Алюминиумом, знаешь куда? Положено из золота, значит куй из него. Из серебра, значит, опять же, давай серебро. А если брюлики на ордене Победы, то и их давай.

– Тебе и орден «Победы» подать?

– А как же! Чем я хуже Лени Брежнева?

– Да лучше, конечно. Я что спорю что ли?– Михаил зажмурился и щелкнул пальцами. Свет почему-то погас секунд на пять, а когда снова стало светло, то Михаил увидел спину Сергея и между лопаток у него сиял орден «Победы». Как и положено, с россыпью бриллиантов, он выбрал для себя самое центровое место на спине носителя наград и начиная от плеч без погон, его окружили созвездия звездочек Героя с

орденами Ленина вперемешку, плотными кольчужными рядами, так что рябило в глазах. Сукно гимнастерки с тяжестью золота явно не справлялось и ползло там и сям, уродуя изначальную стройность рядов.

– А поворотись-ка, сынку,– Михаил дернул друга за рукав, на котором сверху донизу красовались нашивки за ранения различной степени тяжести. Но эти были тряпичные и тяжести рукам не добавили, поэтому выглядели сейчас как нечто чужеродное, торчащее из кольчуги звездно-медальной. Забренчав наградами, Сергей с трудом повернулся и скривившись, принялся разглядывать свою грудь, которая была увешана также тщательно, как и спина.

– Орел!– Михаил щелкнув на память несколько кадров, поднял с пола огромную цепь весом никак не меньше двух пудов и длиной метра два.

– А это тебе от дружественного нам народа-союзника, от Британской короны. Орден Льва там какого-то с цепью и подвязками, чтобы не падала с плеча. Именным указом Короля специально вам, товарищ майор, за Аушвиц. Сорок килограммов чистейшего золота семья не пожалела для героя. Учти, они воюют со страшной силой и золото им сейчас ох, как нужно, но за такой героический подвиг весь ихний кабинет Лордов стоя, обеими руками был «За». Единогласно. Королева-мать плакала навзрыд, когда ей рассказали, как ты прошелся огнем и мечем, по вражьи тылам и от себя добавила еще пуд золота на орден. Вот он отдельно упакован в

сундучке. Примерять будешь?— Михаил напрягся и набросил цепь на правое плечо Сергея и того повело в сторону, колени подогнулись и если бы не стоящий рядом стол, то «рыцарь» бы рухнул на пол, не вынеся столько почета одновременно. Кривясь от тяжести и боли от царапин, которые оставляли на теле закрутки и иглы наград, Сергей, ляпнув на ладонь «Завесу», расплылся в торжествующей улыбке и гордо распрямил плечи. Ордена и медали забренчали друг о друга и цепь, шарфом окутавшая шею, легла на них, сверкая изгибами и округлостями.

— Где там орден этот? Давай, чего там... — разрешил Сергей и пнул носком сапога ящик.

— Один момент, с нашим удовольствием. Куда пришпандорим? Может на галифе? Там сзади есть место не занятое пока еще.

— А сидеть я как буду? Думай сначала, прежде чем предлагать такое,— нахмурился Сергей и принялся рассматривать себя в зеркало, вытащив его совершенно непринужденно прямо из воздуха. Зеркало было в деревянной оправе и с длиннющей ручкой.

— Как там эта царица говорила в сказке у Пушкина? Свет мой зеркальце скажи... О-о-о! Красавец. Снимай на хрен все, гимнастерка расползлась уже вся. Пошутил я насчет наград. Дал бы значок, какой-нибудь ГТО и ладно. Что за манера? Шутка это была, шутка,— Сергей попробовал освободиться от двухпудовой цепи, но звенья ее зацепились за звез-

ды и медальки, которые буквально впились в нее и торчали из всех проушин. Рывок получился, однако такой мощный, что десяток Ленинов покатались по полу, не удержавшись в стройных, кольчужных рядах и зажелтели колосьями на сером пластике.

– Еще на голову, какой-нибудь колпак парадный не помешало бы... – Михаил обошел вокруг надувшегося Сергея. – Точно, ты же на звание генерала армии претендовал, но мне кажется этого недостаточно при стольких наградах. Для Генералиссимуса пожалуй молод еще, но маршала заслужил, – щелчок пальцами заставил Сергея вздрогнуть и на голове у него встопорщилась барашком маршальская папаха, а на плечах засверкали погоны с маршальскими же звездами и гербом СССР.

– Гимнастерочку заменим на мундир и лампасы, как положено с хромовыми сапогами-ботфортами. Последний штрих и можно зафиксировать для истории. Или для семейного архива. Все равно никто не поверит, что один человек столько металла на себе одновременно удержать смог. Рекордный вес пудов пять никак не меньше. Брежнев бы, увидев, сдох от зависти. Потерпи уж. Пошлем ему цветное фото, пусть застрелится в 60-ом и не лезет в Генсеки, когда есть люди вот такие в стране, – Михаил снял на видео, свекольное лицо Сергея и, усевшись обратно в кресло, махнул рукой: – Все, можешь разоблачаться.

– Цепуру помоги только содрать, а дальше уж я сам как-

нибудь,— простонал Сергей, дергая опостылевшую ему уже награду Великобритании и просыпаясь новым дождем из звезд и медалей.

— Вот уж фиг тебе. Сам вон как лихо зеркала из ничего выдергиваешь. Справляйся сам. Я на конюшню, лошадям овса подкину. Скотина стоит, не кормлена уже два часа. Сожрут что-нибудь из матчасти, как потом перед Силиверстовичем и Леонидовичем отчитываться? Поедом заедят деды,— Михаил поднялся и скрылся в дверном проеме, даже не оглянувшись на прощанье.

— Вот гад, друг еще называется,— пробурчал Сергей, теребя постылую цепь.— За что ты там еще держишься, сволота рыжая?

— Я слышу, как ты там изрыгаешь проклятья,— донесся голос Михаила из холла, удаляясь.

— Вали давай, справлюсь сам. Ишь ты, блин, какой. Ну, погоди, я тебе устрою, что-нибудь похлеще. Припомню, так и знай,— цепь загремела, свалившись на пол. Сергей перешагнув через нее, принялся расстегивать сначала ворот маршальского мундира, шаря руками в поисках крючков, но к его удивлению их в наличии не оказалось, как и пуговиц. Михаил изготовил мундир, обозначив все причиндалы только визуальным эффектом и напрочь проигнорировав функциональное их предназначение.

— Ну, сукин сын, ну, Мишка, ну гад,— Сергей осторожно присел и, напрягшись, попробовал привести мундир в над-

лежащий вид. Косясь на борта, прорезал дырки под пуговицы. Получалось у него из рук вон плохо, и он фыркал, косясь на погоны и пуговицы. Минут десять понадобились ему на то, чтобы избавиться от «скафандра» из золота и серебра, и еще минута, чтобы влезть в комбез.

– Ну, вот и все, – Сергей ухмыльнулся и, подперев кулаком подбородок, присел к столу. Подергал за согнутый черенок ложки, торчащий из черного, как смола кофе. – Задача номер один, стала номером два, – произнес он и сжав губы, скрежетнул зубами. Как ни странно это подействовало, и ложка с чмоканьем, выскочила из плена, и даже распрямилась до первоначального состояния. – Вот так, – удовлетворенно кивнул Сергей и, схватив чашку, запустил ее через все помещение в дальнюю стену. Там она благополучно разлетелась вдребезги, а на столе появилась точно такая же и с нормально сваренным кофе. Побренчав по стенкам чашки ложкой, Сергей отхлебнул глоток, и радостно улыбнулся. Что-то у него сегодня сдвинулось с мертвой точки в мировосприятии магическом и, окинув взглядом кучки орденов, он «щелкнув перстами», совсем как Михаил, скомандовал:

– Марш на конюшню, там Михаил нынче без наград и на судьбу обижен. Не порядок сие, – ордена и медали, послушно взвились все одновременно и гремящей сюрреалистической, воздушной эскадрой, со свистом вылетели в дверной проем. Впереди, как и положено по рангу, летел орден «Победы». Цепь, на правах иностранной гостьи, скромно пристроилась

в кильватере и вся эта туча наград, лязгая и гремя, унеслась в сторону лифта.

– Сюрпрайз. Ох, не завидую я сейчас Мишке, если в «Завесу» нырнуть не успеет, паразит,– Сергей довольно улыбнулся и отхлебнул очередной глоток. Тишина наступившая, звенела в ушах и глаза сами собой прикрылись потяжелевшими веками.– Эх, поспать, что ли минут эдак шестьсот, пока там Миха с наградами разбирается,– размечтался Сергей и, потянувшись до хруста в суставах, вдруг замер. Тишина так внезапно образовавшаяся, вроде бы переставала быть таковой, наполняясь странно знакомыми звуками.

– Назад запуздырил стаю, гаденыш,– понял Сергей, вскакивая.– Вот змей,– одним прыжком он подскочил к дверям и рванул полотно вниз. Сделал он это вовремя, потому что стая уже подлетала к помещению, и впереди несся орден «Победы», сверкая брюликами. Именно ему, выписав хитрое пики, удалось проскочить в щель уже у самого пола и тотчас же влипнуть в Серегину спину. Дырку под винт эта сволочь прокручивать даже и не подумала, просто прилипла посередине, врезавшись винтом в кожу.

Пришлось сдирать с себя комбез и одевать другой. Вот уж чего было здесь в достаточном количестве во всех помещениях. Стая наградная тем временем скреблась о дверное полотно и брэнчала по полу, отыскивая щели.

– Я что теперь здесь сидеть должен, пока этот чародей не сжалится?– Сергей швырнул снятый комбез на столик и ра-

достно улыбнулся. – А и пусть вешаются на этот, а я пока в мимикрии посижу, – идея, пришедшая ему в голову, была настолько проста, что он тут же ее и осуществил, слившись со стеной в «хамелеоне» и рванув вверх дверное полотно. Ордена и медали ворвались с шумом, грохотом и лязгом, как пчелиный рой и мгновенно облепили комбез.

– Вот так-то. Знай, наших. Думал, не выкручусь, – Сергей даже подпрыгнул радостно, но толчок в левую грудь, болезненный и колкий, привел его в себя. Машинально схватившись за место «укуса» Сергей почувствовал пальцами кусочек металла и скопился на него. На груди его висел значок ГТО. Обшарпанный до крайней степени, он явно был не новоделом и прожил нелегкую жизнь, длиной лет в 70-т, так что и прочесть уже надпись было затруднительно, но стартующие спортсмены все так же бодро гнулись навстречу финишной ленте, и Сергей поднял руки вверх:

– Знаю, что видишь. Сдаюсь. Убери все остальное, а этот, так уж и быть, оставь. Его я точно заработал сегодня.

Минут через пять подошедший Михаил, застал Сергея за столом, озабоченно-сосредоточенного. На Михаила он бросил взгляд мельком и снова уставился, на экран монитора.

– Что за тревога на челе? Аль все еще в печали об орденах и медальках? – Михаил взглянул на облепленный наградами комбез и подняв с пола орден Ленина, заботливо пристроил его в одну из брешей на ткани.

– Какие медали? Ты взгляни на отчет из мазаришариф-

ки. Попытка проникновения людьми предотвращена имитацией обвала и проседания грунтовых пород. Всего час назад в реальном времени,— Сергей пощелкал по клавишам, возвращаясь к началу отчета. Система безопасности, суконным языком технаря, докладывала, что в районе, квадрат ***люди в количестве четырнадцати особей осуществили попытку проникновения за периметр «пирамиды», взломав с помощью ВВ. /взрывчатое вещество, предположительно пластид/ гранитный пласт и предприняв усилия по расчистке образовавшегося пролома. Карта местности, выведенная на монитор, наглядно продемонстрировала место взлома.

— Низину выбрали, выдолбили шурф и заложили пластид. Чуть на первый уровень не проскочили. Янкесы работали,— выдал реплику Сергей, включая видеозапись.— От могилки, с камерами наблюдения не далеко, так что, кое-что разглядеть можно. Не во всех подробностях, конечно, из-за складок местности, но хоть что-то.

На мониторе появился уже привычный глазу унылый пейзаж лысых гор.

— Вон копошатся слева. Сейчас попробую увеличить,— Сергей ткнул пальцем в клавишу и изображение поползло на встречу, плавно увеличивая заданную точку, делая ее одновременно центральной.

— Все — это максимум,— вздохнул Сергей.— Лица не отчетливо просматриваются, так что идентификации, если что, не получится. Правильно, десяток тут их копошится, в песоч-

ной униформе. Сейчас все полезут в щели, как тараканы, заряд заложили с минутной задержкой,— взрыв, камеры зафиксировали визуально, по выбросу щебня, пыли и дыма.

Столб, метров в десять высотой, был удивительно похож на ядерный. Также закружась, выдал вниз бахрому «поганской мини юбки». Продержался, правда, всего секунд десять. И рассеялся от порывов горного ветра, рассосавшись в сизом мареве свинцового неба.

— «Прапора» из службы контроля и предотвращения проникновений на объект, своевременно обнаружили сейсмические толчки, производимые шанцевым инструментом супостатов и сосредоточившись рядом с предполагаемым проникновением, локализовали пролом пробкой из гранитного раствора и кроме всего прочего, как и докладывалось, как-то встряхнули слегка это место, заваливая пролом. В общем сработали на отлично, но парни эти не успокоились на достигнутом и результат, явно отрицательный, их не остановил. Монатки не свертывают, а наоборот ставят палатки. Вон, глянь, полчаса спустя после взрыва. Четыре штуки пузырятся. Не много ли для десятерых? Камуфлированные, опять же, значит, не желают привлекать внимания сверху.

— Думаешь, повтор будет?

— Не сомневаюсь. Жаль послушать нельзя, о чем они там базарят между собой.

— А телефонные переговоры или радиостанция не зафиксированы? Странные ребята,— Михаил рассматривал дело-

вито суетящихся людей на экране и хмурился досадливо.

– То-то же, что нет ничего. Может, работают в режиме радиомолчания? Вернее эфиромолчания.

– Как бы там ни было, нужно перемещаться в мазаришарифку и разбираться непосредственно на месте. Смотримся домой на денек, чтобы наши там не запаниковали. Время-то возврата уже несколько раз сдвигали. Силиверстович с батеи вообще часа полтора добавили. Ну и устал я, просто сил нет, как спать хочется.

– Хорошо, – кивнул Сергей, соглашаясь с доводами Михаила. – Куда они на хрен денутся, если уж на то пошло. День, два, да хоть десять, только ведь изведемся от неопределенности. Кто, какого хрена тут?

– Какая разница кто? Америкашки скорее всего, судя по наглости и пластиду продвинутому. На этой рабочей версии останавливаемся и откладываем разборки на сутки, – Михаил хлопнул ладонью по столешнице, попал по кольчуге из орденов и скривился от боли. – Зараза, понакидал тут всякого хлама... – проворчал он, рассматривая кровоточащую царапину.

– Я-а? – возмутился Сергей. – Не рой яму другому, другой мой Миха...

– Яму? – удивился в ответ Михаил. – Это яма?

– Ямы разные бывают. И такие тоже, – с философским видом заявил Сергей, обличающе уставив палец, почему-то не на орден, а в Михаила.

– Здравсте! Куда палец суешь? Я яма что ли?

– Ты хуже. Ты ямоустроитель. Первопричина, стало быть, этих самых ям. Но мы тебя от этой пакостной хвори излечим,– заявил Сергей, но пальцем все же тыкать в Михаила перестал и даже нашел рукам тут же занятие более подходящее. Принялся распечатывать пачку сигарет.

– Это каким же образом, позволь полюбопытствовать или это секрет разглашению не подлежащий? Что за ноу-хау?

– Не секрет. Делюсь,– Сергей выпустил струю дыма в потолок и закончил.– Совесть тебя будем принародно.

– Это как это?– растерялся Михаил простоте и явно предполагаемому в связи с этим коварству метода излечения.

– Обыкновенно. Будем скрытно записывать все на камеру, и демонстрировать всем желающим родным и близким перевоспитуемого ямокопателя. Пронумеруем фильмы, как в сериалах мыльных. Яма-1, яма-2, яма-3, яма-4-ре...

– Ладно, понял – яма-5-ть и т.д. Пиши, снимай... Посмотрим над кем будут потешаться, а кого «лечить». Но идея сама по себе хреновая и не потому, что стесняюсь...

– А почему тогда?

– А потому, что авторитет наш с тобой может, не устоявшийся, обрушиться. Больно уж мы в этих «ямах» несерьезно выглядеть, судя по всему, будем. Представляешь, что твои ребяташки скажут, когда тебя облепленного орденами увидят? Я знаю точно, что скажут,– «Наш папка – клоун»,– Что-нибудь в этом духе. Так что закопай свою идею тухлую, Се-

рый. Ну и терпи. Бог что велел?

– Вывернулся опять,– проворчал Сергей.– Ну, ничего. Я что-нибудь другое придумаю, но отучу тебя от этих магических приколов.

– А не магических?

– Это сколько хочешь. Ради Бога. Слова худого не услышишь. Это святое. Это я только – За. Что за жизнь без них?

Но учти. Буду проверять и если... То!..

– Понял. Обещаю, по возможности соответствовать,– с легкостью пообещал Михаил, невольно улыбнувшись в ответ Сергеевому оскалу до ушей.

– Ох, вра-а-а-ть! И ведь не мигнул даже,– восхитился тот и, подхватив Михаила под локоть поволок его к выходу.

– Шевели поршнями, трепач. Там меня любимая семья уже полтора часа как заждалась.

Глава 2

Век девятнадцатый, в отличие от века двадцатого, жил неспешно и обстоятельно. Москва особенно не печалилась, став столицей №2-а в Российской империи и разрастаясь вширь, начинала подрастать и вверх, став уже преимущественно многоэтажной. «Много» – это пока умещалось в двух, трех этажах и когда появлялось очередное здание с большим числом уровней жилых, то патриархальная Москва страховала с себя дремоту и отправлялась полюбоваться очередным достижением российских архитекторов. Колокольни и луковки церковные по прежнему господствовали и «сорок-сороков» их звонили, напоминая обывателю о небесном и вечном. Обыватель чесал толстый загривок, или вишивую голову, и шел в ближайшую, чтобы замолить накопившиеся грешки, грехи и грешница. Весной, «огромная деревня» закипала пеной яблонево́й и вишнево́й, осенью осыпалась листьями и отплевывалась, летом от пыли, а зимой от снега.

Но какая-то, присущая только Москве энергетика, выделившая ее в средние века из всех русских городов и сделавшая в свое время столицей, продолжала существовать и, подчиняясь ей, Москва жила совсем не провинциальной жизнью и захолустьем ее назвать язык бы не повернулся ни у кого. Наоборот, на фоне чопорного, чиновничьего и чахоточно-

го Санкт-Петербурга, Москва выглядела выигранно и привлекательно, для всех в нее попадающих приезжих гостей. Москва, удачно разместившаяся или удачно в свое время через себя проложившая торговые «стежки-дорожки», продолжала оставаться торговым центром для всей Центральной и Южной России.

На севере господствовали Новгород и Санкт-Петербург, подмяв под себя коммерцию и промышленность, но центр, юг и восток России по-прежнему зависели от московских денежных инвестиций. Именно здесь пересекались потоки товарные и денежные, и северные в том числе. Новгород и Санкт-Петербург отнюдь не были автономными экономическими зонами и только недостаток нормальных дорог, объясняли их некоторую обособленность, которую окончательно устранил век 20-ый с его железными дорогами. Но именно в веке 19-ом, с его сезонным бездорожьем, некоторое противостояние между Севером и Центром имело место. Но как ни странно, Москва выглядела в глазах приезжих, по сравнению с Северной Пальмирой, гораздо оживленнее, особенно в устойчивые месяцы года, когда оживление это не сдерживалось межсезонными погодными катаклизмами. Стоило просохнуть дорогам, после весенней распутицы или промерзнуть, после осенних хлябей и жизнь в Первопрестольной буквально закипала. Торговая и промышленная. На улицах становилось многолюдно от снующего по делам люда, и всем было невтерпех, что-то продать или купить.

Москва с ее кривыми улочками не справлялась в это время с потоками транспортными и на них порой появлялись дорожные пробки, которые приходилось ликвидировать тогдашним урядникам самым незамысловатым способом. Сносились хлипкие заборы и под вой домохозяев, обозы перли по приусадебным участкам, гремя полозьями по мерзлой земле и грядкам, спрятавшимся до весны под снегом. Пожар 1812-го решил в некоторой степени эту проблему и в планах реконструкции после пожарной, проезды расширялись и кривулины уличные распрямлялись, к неудовольствию землепользователей, которые никак не могли взять в толк, почему их строение вдруг оказалось хоть и сгоревшее, но прямо посередине дороги новой. Все смещалось, и понять, где чье, было порой невозможно без сутяжничанья, к радости судебных ярыжек и мордобоя, к неудовольствию полицейского начальства.

1808-ой год, в смысле патриархальности и шевеления сезонного, ничем не отличался от годов предыдущих, и конец ноября был хоть и припорошен снежком, но еще не впустил в город всех желающих его срочно посетить или пересечь. Еще не встал лед как следует на реках и купцы только паковали свои товары, прикидывая барыши и сплевывая через левое плечо, чтобы не сглазить. Поэтому Москва пока еще не шумела и не рвалась с постромок, получая по оскаленной лошадиной морде в кривулинах уже слегка припорошенных улиц. Еще неделька, другая и поползут рыбные обозы, мучные, ма-

нуфактурные и прочие, оглашая окрестности ржанием лошадей и руганью ямщиков. Погонят скот на продажу и сено для этого скота. Москва на своих окраинах жила вполне деревенской жизнью и многие держали скот, который требовал кормов, но заготовить его уже было самим хозяевам невозможно. Требовалось выезжать все дальше, и доставка заготовленного сена становилась настолько дорога, что дешевле было покупать привозное. Впрочем, сено везли на продажу не столько для коров Московских, сколько для лошадей. Поголовье которых, в отличие от коровьего, не уменьшалось с годами, а напротив даже и увеличивалось. Рос город, росло и поголовье лошадей. Конюшня, в то время, была непременным строением за каждым московским домом и проблема конюшенная стояла так же остро, как в конце 20-го и начале 21-го проблема гаражная. И даже острее. Потому что авто в конце концов можно оставить и под открытым небом, а вот лошадь такого небрежения к себе не терпела. В зимние морозы могла запросто околеть и крыша над головой ей требовалась, хоть самая заваливающая в это время года. И само собой город буквально захлебывался нечистотами, которые вывозились золотарями в незначительных количествах за периметр города и вываливался в пригородах, приводя в ярость окрестный люд.

Каких только бунтов не было на Руси и по каким только поводам русский человек не восставал против властей... Был даже «соляной». Был «чумной», даже против пьянства,

говорят, был – водочный то есть, а про Пугачевский и вспоминать не стоит – этот всем бунтам бунт, против всего сразу. А вот против золотарей бунтов что-то не было. Хоть и заваливали они окрестности дерьмом качественно изо дня в день. В чем причина? Народ понимающий у нас потому что и просто так за дубины не хватается. Всегда разбирается сначала. И подмосковье понимало, что Москва большая, гадит, как положено по три раза на дню, а это много и Москва речонка, с прочими Неглинками, уже давно не справляются, и уносить не успевают в «море-окиян», который где-то там за лесами пади уже тоже весь дерьмом затянуло. Однако появились уже предприимчивые людишки с проектами городской канализации, предлагавшие рыть для нужд этих деликатных специальные каналы, как в Европе. И даже проекты градоначальству приносили с чертежами и расчетами. Начальство крутило носами и отпихивало от себя эти сомнительные проекты, стоящие денег немислимых.

– Бог подаст, падите вон... – привычно гнали прожекторов прочь и правильно делали, потому что не прошло и четырех лет и все равно началась реконструкция почти всего города сразу. Вот тогда и заложили первые чугунные трубы, в первые канализационные траншеи. За дело взялось государство, с размахом, как положено, засучив рукава чиновничьих сюртуков и, Москва вздохнула полной грудью – посвежевший городской воздух. Правда, с тех пор земляные работы как начались, так и не прекращаются по сию пору. Процесс ока-

зался затяжным, прибыльным и увлекательным. А главное – актуальным во все века...

Так что Москва встретила Михаила с Сергеем привычной уже вонью помойной, стаями бродячих собак, грызущихся на этих помойных кучах и золотарями, с черпаками у дощатых сортиров.

– Вот она изнаночная сторона всех цивилизаций, – ворчал Сергей, перепрыгивая через кучу нечистот, которые кто-то сообразительный вывалил ночью под его родное крыльцо. – Поймаю мерзавца и в кучу эту суну рылом, – пообещал привычно злодею «джек-пот» Сергей и долго отскабливал подошвы о металлическую скобу, которую лично забетонировал рядом со ступеньками именно для этой цели. Полоса металла торчала на высоте полуметра и приходилось сгибать ногу в колене, чтобы воспользоваться ею. Но зато она была надежно прикручена к крыльцу на два здоровенных кованых болта и ее не постигла участь пяти предыдущих, которые неизвестные злоумышленники выкопали в первые же ночи после установки. Имелась и нижняя перекладина для мелких членов семьи и Сергей по праву гордился своим творением, которое лично выковал в кузнице у свояков.

– Эту не сопрут, кишка тонка, – самоуверенно заявил он и очень удивился, обнаружив утром дня следующего, после установки чистилки, несколько запилов на прокованном полотне сталюжки. Злоумышленнику не хватило темного времени суток, чтобы лишить хозяев их собственности, легко-

мысленно оставленной без присмотра и закрепленной на два жалких болта. Пришлось закаливать полотно и теперь тот, кто умудрился бы снять этот шкворень, получил бы не плохой шмат дамасской стали. Сергей внимательно осмотрел изделие кузнечное, которое было его «первым блин-комом» и улыбнулся довольно: – Ну вот, что я говорил? Слабо.

– А что ты говорил? Кому?– Михаил принялся счищать налипшую грязь со снегом о стойки и Сергей, уже поднимающийся по крыльцу, пропустил его вопрос мимо ушей. А потом визг детворы и суета домашняя и вовсе задвинула этот, риторически прозвучавший вопрос, куда-то в такие закоулки подсознания, что, пожалуй, выдернуть его оттуда уже никакой возможности не представлялось. Пустой вопрос и прозвучал в пустоту, никем не замеченный и забытый, а зря. Русский народ он ведь смышлен от природы, ему образование даже претит порой, являясь неким тормозом и сдерживающим фактором на тернистых тропах народного творчества. Не знают, что невозможно и такое вытворяют, что будущие исследователи-археологи только руками разводят. Изделие Сергеево – его гордость и повод для насмешек над воришками-недотепами к следующему утру исчезло вместе с двумя бетонными плямбами кило по сто весом. Кто-то попросту выдернул всю конструкцию из почвы, оставив рваную дырищу в полтора метра глубиной рядом с крыльцом.

Новость эту сообщила семейству молочница и Аннушка привычно перекрестясь, усадила ее чаевничать, отправив

старшего сына к братьям в кузницу.

– Димша, сбегай-ка. Скажи, все та же оказия. Пока папенька почивает, пусть спроворят новую. Пади с прошлого разу помнят чего да как. Опять скажи тако же.

Димка накинул тулупчик и выскочил за порог, крикнув на бегу:– Да что я маленький что ль? Сам знаю. Чтоб песок, цемент и чтоб быстро.

– Что за переполох в семействе?– выспавшийся Сергей, появился, сладко потягиваясь из спальни в длиннющем халате и поздоровавшись с Надюшкой-молочницей, девкой на выданье, присел с ней рядом у самовара.

– Дак, все ничего, слава Богу,– подхватила та, заалев алым маком, и вскочила поспешно на ноги.

– А куда это Димон полетел, как оглашенный?– Сергей зевнул так аппетитно, что все присутствующие невольно заулыбались.

– К братцам послала. Вечерком хочу здесь собрать всех. Давно по-семейному не сиживали,– Аннушка пододвинула поближе к мужу плетеную тарелочку с пирогами.– Кушай, сокол, да вопросы не задавай пустые. Побег и побег. Ты-то надолго ли из командировки?

– Я, на долго. Михаил обещал целых два дня выходных. Во как,– Сергей улыбнулся и подмигнул молочнице.– Ну что, Надюха, когда на свадьбу пригласишь? Женихи чай табунами следом бегают?

– Ну, что вы тако говорите? Барин. Не сватают пока!– при-

горюнилась молочница.

– Эвон как? И почему? Девка-то ты видная, работающая,— Сергей даже жевать пирог перестал, взглянув удивленно на Надюшку. А та захлюпала курносым носиком и принялась вытирать платком уголки глаз.

– Что за слезы? Аннушка, в чем дело? Почему сироту обижают?

– Бесприданница она. Вот носы и воротят нынешние кавалеры,— Аннушка погладила по голове пригорюнившуюся молочницу.— Да ты не кручинься. Зачем тебе такой, который из-за рухляди только девицу подыскивает?

– Да где ж других-то взять?— резонно возразила та.— А года-то не убавляются. В девках старых остаться лучше ли?

– В девках плохо,— согласился Сергей.— Так мы тебе подыщем мужа-то, вон хоть брата Аннушкиного младшего.

Прохора Евпатьевича, что-то он загулялся в женихах-то. А, мать?

– Да я че,— не стала возражать Аннушка.— Непутевый только он у нас. Все парни как парни женатые давно, а этот сидит сиднем дома, и никуда его не выгонишь,— «А че там такого делать, я лучше книжицу у Сергея Лексеича возьму, да почитаю». Все уже перечел пади.

– Да, ну?!— Сергей искренне удивился, так как библиотеку имел для 19-го века довольно солидную книг на пятьсот и сам не мог бы похвастаться, что все прочитал, что там запас. Но кроме литературы века "осмнадцатого", в библиоте-

ке присутствовала и литература более поздняя, которой, как он думал, здесь вряд ли кто-то станет интересоваться. Кроме различной технической, была и беллетристика бульварная. Детективы и прочая "дешевка", прихваченная в количествах ничтожных, но все же... – И что говорит, прочитав?– спросил он супругу.

– Сказки ему нравятся фантазийные, про повозки само-движущиеся и пищали скорострельные. За уши не оттащишь непутевого. Какой вот из него муж?– Аннушка пригорюнилась рядом с молочницей, подперев подбородок кулачком, так же как и Надюшка.

– Ничего. Надежда его быстро в чувство приведет,– Сергей встал и прошел в комнату для курения, которую предусмотрел при планировании особнячка, причем на обоих этажах. Курилки были его личной территорией, и появляться здесь кому-либо не рекомендовалось из соображений самых тривиальных. Для целостности организма. По стенам курилок были развешаны различные мишени и дубовые доски, в которые хозяин любил метать всякие режущие и колющие предметы. Такая вот блажь у "барина" и домашние, зная о ней, прежде чем войти, громко стучали в дубовую дверь, прислушиваясь, не свистят ли в воздухе дротики, топоры и ножи.

Пока хозяин перекуривал, швыряя в мишень, что-то с перьями и жалом на концах, братья Силины – Прохор и Егор успели устранить последствия "варварства" и восстановить

чистящее приспособление у крыльца в прежнем виде.

– Цепь намотали и парой лошадиной рванули,– вынес вердикт Прохор.– Котора по счету?

– Пята пади, аль шеста?– Егор притоптал взрыхленную землю и присыпал песком и снежком, для пущей убедительности, место работы.– Цемент-то больно хорош у Аннушки. Десять минут и камнем стынет. Надо бы еще пару мешков, ежели опять выдернут, то чем заливать будем? Этих-то полосок у нас тоже вроде как две осталось,– Егор поскреб в затылке.– Может дешевше сторожа с колотухой тут поставить? Да и надоело каждое утро ковыряться в земле. Вот уж Аннушка, не хочет мужа расстраивать, а нам-то какво? Аль самим тут посторожить, да изловить охламонов?

– Это кто ж таков? Озорничает?– Егор старательно поправил вывороченную злодеями доску и досадливо поморщился.– Замены требует, порвал болт полотно-то напрочь, говорил же, что надобно как в прошлые разы без гаек сунуть да загнуть, а ты че? "Крути, давай знай, боле не сунутся". Приметит Сергей-то Алексеич, че сказывать будем? Старался ить, самолично такую кривулину выковал. Ох, как непросто эдак-то криворуко повторять,– вздохнул опять Егор.– Я бы десяток успел сделать нормальных, пока эту повторяю. А пошто мы это делаем, я, хоть убей, не пойму.

– Из уважению. Эх, брат. Чего только для душевного спокойствию родного человека не сделаешь. Аннушка вот понимает, а ты медведь медведем у нас,– Прохор собрал в горсть

снег и залепил им проломленную доску.

– Авось не приметит, а когда опять отлучится, мы это поправим ужо как надо. А покараулить... Отчего и нет?

Нынче же тут и останусь за дверьми. Ох, ноги вырву, штаны спущу и погоню шпыней не надобных пинками через весь город.

– Кого пинать собрался, Прохор Евпатьевич?– появившийся вдруг Михаил, обнял братьев за плечи.

– Доброго утра вам, Михайло Петрович, как почивали, как супруга, детки, не хворают ли?– зачастил Егор, отвлекая внимание Михаила от крыльца.

– Слава Богу, вашими молитвами,– Михаил весело рассмеялся.– Зубы заговариваешь, Егор Евпатьевич, но тут тебе бы у свояка поучиться, он мастер, а ты пока профан, извини. Подмастерье, если по-вашему, супротив его умений лапшу вешать на уши.

– Это... Дак оно и понятно.– Согласился Егор.– Мы-то сроду этого не видели, так и откель уметь?

– Что не видели?– не понял Михаил.

– Лапшу энту. Она ить када появилась? Совсем недавно на Москве. Макаронны энти.

– А вон ты про что. Ну да, где ж вам было наловчиться так, как Сергей Алексеевич, но мужики вы способные и через годок другой наверстаете. Я в вас верю.

– Вот спасибо на добром слове,– искренне обрадовались братья Силины.

– В дом не пускают?– поинтересовался Михаил, кивнув в сторону крыльца.

– Без вас нет,– заухмылялись в бороды братья.– Мы к вечеру заглянем, а сейчас нам в кузню пора, поспешаем, Михайло Петрович, не обессудьте,– кузнецы содрали с голов треухи и, отвесив земной поклон, умотали за угол.

Михаил ковырнул снежную заплату на доске, хмыкнул понимающе и поднялся по ступенькам.

– Па-а, ма-а, дядь Миша пришел,– встретил его детский вопль и, налетев, младшие Руковишниковы, растормошили гостя, вытряхивая из верхней одежды. Аннушка засуетилась опять вокруг самовара, а молочница Надюшка, попыталась шмыгнуть мимо, но была поймана, возвращена на место и с пристрастием допрошена обо всех московских новостях за прошедшую неделю.

– Да, что я тако знать могу, Михайло Петрович? Вы, вот у Аннушки поспрошайте, а мы ведь с окраины, че видим?– попробовала отказаться Надюшка, но Михаил ей не оставил выбора.

– Ладно, не приbedняйся. Вон какие глазищи на пол-лица, хоть лики пиши. Мне и не нужно ничего такого знать. Как народ живет, чем? Какие нужды у него повседневные? Мы же купцы, промышленники, а ты наш потенциальный клиент. Чем вот сейчас озабочена более всего? Вот ты, Надюш?

– Дак... Чем?– опять раскраснелась девушка, с которой вот так задушевно и по-родственному давненько никто не

разговаривал. Разве что мать давно умершая, но Надюшка тогда совсем маленькой была и помнила смутно, как это бывает, когда о тебе кто-то заботится. Просто так, даром...

– Сыты, здоровы и, Слава Богу, – нашлась она все же что сказать.

– Беззаботно, значит, живете? – Михаил позвякивал ложкой в чашке и прислушивался к стукам в соседнюю стену. – Сергей опять ножи швыряет? – кивнул он в сторону курилки.

– Прямо страсть какая-то у него к этим железкам, – пожаловалась Аннушка. – Поговори с ним, Мишань. Наташил всяких и вот мечет часами. К чему тако умение?

– Всяких – это каких? – заинтересовался Михаил.

– Сначала все кинжалы, да пики швырял, а потом и вовсе кухонные потребовал. Обыкновенные, – поджала губы Аннушка осуждающе. – В доме ножей совсем нет, все там, в стенах торчат. Я как какой надо, так туда бегу.

– Он что и столовые швыряет?

– И эти, – подтвердила Аннушка.

– Они же тупые, с концами круглыми?

– Наточил и мечет, – Аннушка совсем закручинилась.

– Ладно, поговорю, – пообещал Михаил и, взглянув на молочницу, улыбнулся. – Не переживай ты так, Надюш, видишь как некоторым везет на мужей с "тараканами" в голове.

– Он хороший, – возразила та, потупившись. – А ножи кидает, так это пусть. Трезвый зато и не гневливый. Аннушка его любит. Вы уж не очень его браните, – попросила она

вдруг.

– Как скажешь,– согласился Михаил.– А ты, во сколько встаешь, чтобы сюда поспеть?

– За полночь встаю. Сейчас отел ожидаем и коровы стоят не спокойные. Там, при них и ночью.

– А спать когда ложишься?– удивился Михаил режиму рабочего молочницы.

– Днем и после вечерней службы часок другой,– призналась та.

– Так ты в золушках никак?– понял Михаил.

– В приживалках,– вздохнула, кивнув Надюшка.– При тетке пристроилась. А у нее детворы семеро и муж увечный, в прошлом годе в кулачной драке глаза повредили. Сидит и дальше лавки не видит.

– Что же он при таком семействе еще и кулачным боем занимался?

– Известный боец был в Замоскворечье. Силантий Потапович,– подтвердила молочница.– Семейство с кулака-то и кормил. Его завсегда нанимали те концы, что послабей. То за тех, то за этих. А в прошлом годе, поймали его, да оглоблями в ночь темную поучили. Приполз домой под утро, половину зубов выплюнул, и глаз нет теперь,– закончила Надюшка повествование о злоключениях Силантия.

– Сидит на шее, значит, у семейства?– сделал вывод Михаил.

– А что он может? На паперть разве что. Так мы не поз-

волим. Старшие-то уже взрослые совсем ребятишки, ну и по людям пошли. Коров вот трех держим, телята каждый год и лошадей пара есть. Куры, опять же. Огород, какой-никакой. Грех жаловаться,— Надюшка тряхнула упрямо головой.— Другие вона и еще хуже живут. Заплата на заплате и животы подвело. А мы хорошо живем.

— Молоко в город, а сами пади на квасе сидите?— спросил Михаил.

— И что? Пост все одно нынче, так и в самый раз.

— Понятно,— кивнул Михаил.— Личной жизни никакой, с детства в няньках, потом в мамках, а потом в бабках. Ох, ты доля девичья,— пожалел он искренне.— В мастерскую швейную почему не просишься, Надюш?

— В швейной у Екатерины нет мест ужо, который год,— вздохнула девушка.— А в других местах худо. По людям, коль пойдешь, то и пропадешь не за грош,— глубокомысленно изрекла она, и складка первая пролегла резкой линией на ее переносице, делая девичье лицо старше лет на пять.

— А с глазами, что у Силантия Потаповича? Выбили напроць?— вернулся Михаил к пострадавшему бойцу кулачному.

— Глаза целы, но не видят ничего. Не шевелятся, мертвые,— Надюша покрутила ладонью перед своим лицом, будто показать хотела, что вот так ему делали, а он не реагировал.

— Бывает на нервной почве что-то там, в голове клинит, посттравматический эффект. Нужно бы осмотреть твоего

дядьку. Он кем был до того, как ослеп?

– С купцами в обозах за кулачного бойца и сопровождал.—
Горазд был кулаками-то махать.

– И где выучился искусству кулачному этому?

– Да кто ж знат? Тятя его – Потап был куда как в этом проворен. Видать от него нахвтался, а уж тот от своего тятки. Наш, мол, кулачный бой самый убийственный, потому как в крови он нашей выкупан и в ней хранится. Чудно так про это слышать,— улыбнулась молочница.

– Да он философ, я вижу,— улыбнулся и Михаил.

– Не-е-е-т что вы, Михайло Петрович, наш он православный, вот те крест,— испугалась Надюшка незнакомого слова и, заступившись на всякий случай за увечного родственника.

– Ты не возражаешь, если я проедусь сегодня с тобой и познакомлюсь с Силантием? Заодно и на глаза его взгляну. Ты же знаешь я немного лекарь, так может, и помогу чем?— спросил Михаил девушку.

– Ой, да вы и не спрашивайте. Только уж не обессудьте за скудное состояние жилища, да и принять вас не сможем как след,— заволновалась Надюшка.

– Да что я вельможа, какой что ли? Или нищетой и бедностью меня удивить можно? Сейчас с Сергеем переговорю, да и отправимся. Встретили мы с ним тут недавно одного вот такого же самородка-кулачника. Одним ударом и Сергея и меня валил. Вот Сергей и мечет все, что можно в стены. Тренируется.

– Зачем?– опешила Аннушка.– С кем это он состязаться собрался, да еще вот эдак, ножами кухонными?

– Кухонные и столовые ножи – это перебор конечно. И состязаться ни с кем Сергей не собирается, просто чего-то сам себе доказать хочет. Вот сейчас и выясним. Надюш, подожди десять минут. Аннушка, вели запрячь лошадей,– Михаил прошел к курилке и врезал кулаком в дверное полотно. В ответ на его удар, с обратной стороны так же в дверь что-то ударило и, зазвенев, покатилося по полу.

– Прекращай, швырять,– крикнул Михаил.– Вхожу!

– Да, входи. Слышу,– донеслось до него в ответ и дверь распахнулась.

– Чего орешь? У меня все под контролем,– Сергей все в том же халате, с сигаретой дымящейся в руке, махнул рукой. – Заваливай и на щеколду прикрой. Техника безопасности понимаешь.

– Что за упражнения с кухонными ножами? Может, черпаки и сковородки еще освоишь?

– Эти-то чего осваивать? А вот ножи обычные это понимаешь не просто... Боевой, сбалансированный – любой придурак швырнет. А ты попробуй вот такой воткнуть, который случайно под руку подвернулся и для этой цели не предназначен.

– Ну и зачем мне это нужно?– не понял Михаил.

– Кон-е-ешно. У тебя же вон какой резак подвешен. Тут, понимаешь, есть нечто за гранью разума. Вот ты попробуй,

брось сперва, но постарайся понять и придумать, как так шваркнуть, чтобы он воткнулся,— Сергей протянул Михаилу столовый нож с рукоятью из березовой бересты.

— А что тут понимать? Он ведь у тебя все ручкой попадает? Значит нужно швырять наоборот.

— Как это?

— Лезвием вперед,— Михаил швырнул нож в дверное полотно, резко без замаха и тот впился в доску со вкусом и завибрировал тонким полотном.

— Вот так? Без М.Э?— не поверил Сергей.

— Без.

— Случайность это. Ну-ка, еще разок. И отойди-ка вон в тот угол.

— Может еще зажмуриться? Для чистоты эксперимента,— съязвил, не удержавшись Михаил, но нож взял протянутый Сергеем и в угол отошел. Швырнул, опять почти без замаха и нож опять завибрировал в дверном полотне, свистнув в воздухе.

— Лихо. Если не хитришь, то снимаю шляпу. Я раз пятьдесят кинул и ни разу не воткнул. Все время плашмя прилетает.— Сергей вернулся с ножом и попытался повторить бросок, но нож опять недокрутился или перекрутился, так что в результате ускакал под диванчик и забился там, в пыльный угол.

— Ну и хрен с тобой,— разозлился Сергей.— Валяйся, гад, в пыли. Какая программа у нас на ближайшее время?— повер-

нулся он к Михаилу.

– Отдыхай пока. Я вот сейчас проеду с Надюшей в замоскворечье, хочу познакомиться с ее родственниками. Очень меня ее шурин, или как там называется муж тетки, заинтересовал. Кажется такой же самородок в "Русобое" как и Семенов.

– Да ну?!– встрепенулся Сергей. – Неужели повезло еще одного такого же встретить?

– Пока со слов и увечный он к сожалению. Покалечили мужика, подкараулив ночью. Так что ослеп. А ведь лет-то ему не более сорока. В самом расцвете сил. Сидит сиднем дома, на шее у домочадцев. А прежде кулачным бойцом был первым на Москве. Силантий Потапович.

– Нет, не слыхал. Можно конечно свояков порасспросить. Я с тобой. Взгляну на мужика. Сейчас, один момент, переоденусь, аптечку захвачу и вперед. Второй Семенов, да еще на сто лет раньше – это пропустить я не могу ни в коем разе. Я живо,– Сергей выскочил из курилки и умчался на второй этаж.

Михаил одел полушубок, мохнатую шапку и помог Надюше собраться. Два плетеных лубяных короба с санками, забросили в повозку и разместили там же и хозяйку.

– Показывай куда ехать, мы сзади верхом,– Михаил махнул рукой кучеру.– Давай, погоняй. Ежели что, то Надюша подскажет.

Глава 3

Доехали довольно быстро по московским меркам, явно не выехав за будущее Садовое кольцо. Пересекли Москва реку и через полчаса уже стучались в покосившиеся ворота, присыпанные и облепленные снегом.

Дом с соломенной крышей, сполз так же на один угол и таррачился подслеповатыми оконцами, но застекленными, что говорило о многом. О когдатошнем достатке в этом доме, например. Конюшня, хлев, птичник – все под одной крышей и все перекосившееся и убожеством дышащее. На этом подворье явно не хватало мужских рук. Плетень из корявых лесин, кое-где и вовсе обрушился, а может, разобран был для протопки в совсем уж худые дни. Несколько полениц белели свежими сколами, в глубине двора и оттуда же выскочила дворняга, захлебываясь пугливым лаем.

– Вылитый Австрийский Ландсир цены не меряной,– пошутил Михаил.– Лео, Лео, ко мне, собачий сын,– и дворняга тут же прониклась к нему самыми теплыми чувствами, завилыв хвостом так старательно, что чуть не валилась от усердия с ног. Михаил сунул псу в открытую пасть кусок сахара и дворняга, грызнув угощения, чуть не упала от радости без чувств. Похоже, что такое ей еще никто не предлагал.

– С одним членом семейства познакомились. Веди, Надежда, в палаты сермяжные,– скомандовал Михаил, подхва-

тывая под руку, сомлевшую девушку.— Сергей, короба, сани, шевелись, давай.

— Слушаюсь, вашсковородь,— выпалил тот, хватая санки и волоча их следом за Михаилом и Надеждой.— Что изволите еще?

— Изволим, что бы сделал вид глубокомысленный и не юродствовал. У нас ведь как, кто последний, тот станет первым. Помнишь?

— А як жеж,— Сергей браво щелкнул каблуками сапог и, приставив санки к стене, дернул на себя перекосившуюся дверь, за деревянную рукоять. Дверь открываться не желала, будто запертая изнутри на засов и он развел беспомощно руками.— Надежда, на тебя вся надежда. Командуй, или тут как-то надо по-особенному действовать?

— Ничего особенного не надо. Приподнять только вот так,— Надюша вцепилась в ручку обеими руками, потянула вверх и на себя, выпустив на волю клуб пара и застоявшегося воздуха. Дверь проскребла след по земле, и гости вошли в избу. Сумрак почти ночной встретил их сразу за порогом, когда дверь Надюшка поспешно прикрыла, чтобы не выстуживать хату. Михаил достал коробок спичек и восковую свечу. Не спеша зажег ее и двинулся следом за девушкой, положив ей руку на плечо. Маленькие сенцы, отсечные, упирались в крылечко из двух ступеней, о чем Надюша предупредила шепотом и, поднявшись по ним, дернула на себя еще одну дверь, теперь уже ведущую в жилую часть дома.

Здесь царил полумрак и разглядеть кое-что было можно. Помещение разгораживала русская печь и лавки вдоль стен, покрытые домоткаными половичками, были единственной мебелью в первой половине. Во второй – кухонной, имелись несколько табуреток и стол.

– Надьк, ты что ль?– раздался хриплый, спросонья, мужской голос.

– Я, Силантий Потапыч,– откликнулась девушка.

– Че рано нынче? Еще к обедне не звонили, аль оказия кака?

– Оказия, Силантий Потапыч. Подвезли вот люди добрые, да в гости напросились. Хотят поговорить с вами.

– Это кто таки? Каки гости? Эх, девка...– голос Силантия прозвучал укоризненно.

– Да вы не беспокойтесь, Силантий Потапович. Мы не гости, мы поговорить с вами кой, о чем хотим. Меня Михаилом звать, а вот его Сергеем,– представился Михаил.

– Сергей Лексеевич – это который зять Силиных? Слыхал. Люди баяли прост, дескать,– успокоился Силантий.– Проходите, да присаживайтесь, где кому понравится. У нас бедно, но чисто, Слава Богу. Дуняшка с Надюхой стараются. Я вот на печи все больше, так что их все тут заслуга.

– Что-то пусто у вас. Домашние-то где все?

– Все озабочены. Кто где. Чего дома сидеть? Старшие сыны уже с купцами ушли трое, двое помельче батрачат тут рядом. Вернутся ввечеру, ну и двое здесь. Вот Ванюшка у

меня под боком сопит с Маняшей. Двойнята. Я хоть и крот кротом ноне, но пока слушаются и девки доверяют детишек. Вона как разморило, ровно котята калачиком свернулись,— голос Силантия зажурчал на печи, наполняясь необыкновенной заботой и теплотой, так что, услышав его, трудно было поверить в то, что этот человек мог запросто голыми руками убить и убивал без сожаления.

Михаил с Сергеем прошли и присели на скамью у окна. Силантий Потапович, закряхтев по-стариковски и цыкнув на потревоженных детишек, спустился с печи и присел рядом с ней на такой же скамье. На печке раздалось перешептывание и две лохматые головенки свесились с нее, уставившись на незнакомцев.

— Цыц у меня,— опять погрозил им пальцем отец и головки нырнули в печную тень, поблескивая из темноты любопытными глазенками.

— И чем же, господа офицеры, заинтересовал я вас?— спросил Силантий Потапович, нащупывая ногами в вязаных носках лапти под лавкой.— Прощения просим, но окромя кваса, да щей пустых, угостить нечем. Коль не побрезгуете, то милости просим к столу. Надюха, все что в печи, на стол мечи,— распорядился он, не дожидаясь согласия гостей.

Надюшка захлопотала на кухне, заметавшись от печи к столу и обратно, гремя ухватом, печной заслонкой и посудой. Силантий Потапович, придерживаясь за стену, прошел туда же и, нащупав привычно скамью, присел во главе сто-

ла. Поставив локти на стол, он произнес, уставившись неподвижными глазами в сторону Михаила и Сергея:

– Присаживайтесь, коль поговорить нужда есть. Мне-то своего времени девать ноне некуда, так глядишь, что и услышу забавное.

Михаил с Сергеем прошли на тесную кухню, скинув на лавки полушубки, и уселись напротив хозяина.

– Надежда нам вкратце поведала вашу историю, так что мы в курсе, Силантий Потапович,– начал Михаил.

– Обыкновенное дело,– махнул рукой Силантий, перебивая его на полуслове.– Чего хотели вызнать, господа офицеры?

– Что это вы все "офицеры, да офицеры"?– спросил Сергей.

– Так шпорами пол скоблите, аль я глухой? Слепой только,– улыбнулся Силантий.

– Сапоги офицерские. А сами мы из купцов,– буркнул Сергей.

– Как же, слышали. Москва конечно деревня большая и пока с одного конца, на другой в сарафане новость добежит, так шерстью непременно обрастет, но слышали кой-чего про ваш Торговый Дом мы... И не из сарафана.

– А из откуда?– уточнил Михаил источники информации.

– У нас свои есть доводчики,– улыбнулся Силантий, а Надежда засуетилась еще проворнее и, грохнув чугунок ведерный со щами на стол, зашипела кошкой:

– Вот что бы я вам, Силантий Потапыч, чего еще когда рассказала, умру лучше.

– Ну что же, источник конечно солидный и можно сказать, что новости узнаете из первых рук,– засмеялся Михаил.– Ну и что скажете про нас, убогих?

– Убогие и есть,– подтвердил Силантий. – Кадетов вон из крестьян набрали. Про то вся Москва, который год галдит. Все мечтают своих орясин вам сплавить на дармовые хлеба. Может, и моих взять хотите? Не отдам. Воля дороже,– насутился вдруг Силантий.

– Да мы и не за этим вовсе. Живите себе, как хотите. И потом, мы ведь насильно никого у себя не держим.

– Кусок хлеба держит. Когда кругом лебеду с корой жрут, ваши хлеб от пуза трескают и каждый боится, что выгоните. Это пуще неволи – рабство утробное,– уперся Силантий. – Там только правда есть, где всем одинаково.

– Не бывает так-то,– вздохнул Михаил.– Вы и впрямь философ доморощенный, но мы не за этим пришли, чтобы спорить, кому на Руси жить хорошо и как сделать так, чтобы всем было одинаково.

– Зачем же?– Силантий перекрестился и взял в руку ложку. Две глиняные миски поставленные перед Михаилом и Сергеем, пахли вполне аппетитно и они не чинясь, так же попросту обмахнувшись крестом, принялись трапезничать.

– Я, Силантий Потапович, врач и хотел глаза ваши осмотреть. Они у вас ведь не повреждены и возможно, что не ви-

дят по причине самой простой. Не хотят,— Михаил поблагодарил Надюшку, щи были хоть и постными, но наваристыми и сварены явно мастером знающим толк в поварском искусстве.

— Очень вкусно, спасибо.

— На здоровье, Михайло Петрович, — Надюша, принялась убирать со стола и, поставив перед гостями кринки с квасом, тихо исчезла, скрипнув входной дверью.

— По хозяйству пошла хлопотать,— вздохнул Силантий.— Сейчас и Дуняша появится. Она в прачечной в светлое время, а потом с Надюшкой колотится тут же. Так что там со мной? Как "не хотят"?

— Бывает такое. Организм как бы отказывается видеть или слышать, обидевшись на людей. Помните присказку.— "Глаза бы мои на вас не смотрели"? Так вот в досаде бывает, говорим.

— Ну, говорим. Бывает. Я и сам так говаривал. И что? Мало ли что мы говорим? Сколь вон раз друг другу шею свернуть желаем и ничего, что-то не вижу особенно с шеями кривыми.

— Потому что слова впустую сказанные, пустое и дают. А с чувством произнесенные и даже подуманные, силу имеют необыкновенную, Силантий Потапович. Это психология. Наука такая есть.

— И как избавиться от наваждения этого?— поверил вдруг сразу Силантий и пригорюнился.— Это выходит я сам на себя

порчу навел?

– Вроде того.

– И не отмолить пади ее?

– Отмолить? Может и можно, но есть путь попроще. Специальные методики придуманы и очень быстрые. Гипноз называются.

– Гипнос? Чей-то тако?– заинтересовался Силантий.

– Это такой способ лечения сном. Я вас усыплю, а проснетесь вы здоровым, зрячим. Можно попробовать. Хуже-то уж всяко не будет.

– Да я что, согласен, коль так. Что делать-то?– Силантий буквально загорелся и засуетился, завертев бородой.

– Да вам-то ничего. Сядьте поудобнее, а лучше прилягте на лавку,– Михаил свернул полушубок и сунул его Силантию под голову.

– Расслабьтесь и спать,– Силантий засопел послушно, а с печи тарацились две пары глаз и Сергей прошел к ним, приложив палец к губам.

– Вань, Манюша, мы вашему батюшке лечение глаз проводим, чтобы он видел опять, так что вы уж не шумите, вот вам по леденцу, держите,– Сергей сунул в протянутые ручки дутых петухов на палочках и детишки радостно закивали головками.– Ну, вот и молодцы.

А Михаил, присев на табуретке рядом с головой Силантия, шел вместе с ним темным московским переулком.

Перелаивались цепные, дворовые псы и Луна скользила в

рванных облаках тонким серпом. Моросил дождь, дул ветер и ноги хлюпали по раскисшей дороге. Силантий, вытер тыльной стороной руки мокрое лицо и взглянул вперед. До родных ворот осталось саженой пятьдесят. Сегодня он славно помахался и заработал рубль серебром за каких-нибудь два часа. Кулаки, правда, в кровь посбивал, но это дело привычное, зато и зубов осталось рядом с питейным лабазом пару десятков никак не меньше. И ни одного его. Силантий улыбнулся. И услышав шлепки шагов слева от себя, резко повернул голову в сторону этих звуков.

Глава 4

Перед Силантием замерло несколько человек и, перегораживая улочку, подходили еще несколько. Справа от него через плетень перемахнуло тоже несколько теней, охватывая кулачного бойца в "клещи". Никогда в жизни Силантий не бегал и бился до конца, не щадя других и себя, поэтому даже и оглядываться не стал назад, чтобы проверить пути для ретирады. Он привычно повел плечами и, сделав полный вдох, сбил первого напавшего ударом в челюсть, выбивая из него дух и уменьшая количество напавших. Действовавших абсолютно молча и вооруженных дубинами. Несколько минут Силантию удавалось уворачиваться и оставаться на ногах, отправив в беспамятство еще троих злодеев. Но удары сыпались со всех сторон и пробивали блоки, выбивая из него силы и энергию. Кто-то совал в лицо настоящую оглоблю через головы товарищей и уже попал в скулу, содрав кожу и пустив кровь за ворот косоворотки. Ярость и обида, переполнили сердце Силантия и он, заревев зверем, совершенно обезумев от боли, начал бить в полную силу, убивая. Тела валились мертвые ему под ноги, и он прыгал на них, круша ногами уже мертвые грудные клетки с хеканьем и рычаньем, доставая очередного злодея. А удары ответные сыпались на него уже градом и раз за разом Силантий катился под ноги негодяям, и его пытались добить лежачего, не позволяя встать на

ноги. Спасала темнота и он снова поднимался, отплеываясь выбитыми зубами и уже видя только одним глазом, чтобы убить ударом очередного облома и получив по голове уже опростоволошенной, очередной удар, упасть снова под ноги мерзавцам. Серп лунный выполз на мгновение из лохмотьев несущихся по ночному небу и это последнее что осталось у Силантия в памяти о том ночном побоище. Он не видел, как склонился над ним, подошедший сзади человек в тулупе волчьем, бесцеремонно, по-хозяйски растолкавший ночных разбойников. Склонился, вглядываясь в кровавое мясо лица и хрипло потребовавший:

– Митька, огня, – требование было выполнено тот час же и в руках у склонившегося над ним человека, появился коробок новомодных теперь в Москве спичек. Человек чиркнул зло спичиной и прикрывая огонек от ветра и дождя, поднес его к самому лицу Силантия.

– Не жилец, – сделал он заключение, увидев кровавую маску и пузыри булькающие на губах находящегося в беспмятстве кулачного бойца. – Добей, Митька, чтобы не мучился, – скомандовал он уже вполне буднично, будто говорил не о человеке, а о бродячей собаке и Митька хряпнул увесистой дубиной по голове лежащему Силантию с добросовестным "Хе", будто чурку березовую колуном собираясь расколоть. В темноте дубина прошла вскользь, содрал с головы кусок кожи вместе с волосами и попав в булыжник на дороге, убедила Митьку, что попала как надо, треснув у него в руках.

Такой удар выдержать человеческая голова никакая не могла и Митька даже проверять побрезговал, швырнув испорченный "инструмент" на тело Силантия. Еще несколько минут ушло у ночных татей, на то чтобы собрать тела сподвижников и улица опустела. А Силантий потом полз оставшиеся пятьдесят сажень до своих ворот, с залитыми кровью глазами, до утра. Глаза заплывшие через несколько дней он смог открыть, но видеть никого не хотел и они застыли неподвижно на бородачом, в свежих шрамах лице.

Михаил удивленно приподнял брови, узнав, что злодеями оказались нанятые местным Замоскворецким купцом Сидором Емельяновичем Свиридовым, сторожа и охотники, сопровождающие его обозы. Убивали Силантия и вовсе из-за сущей безделицы. Из-за ста рублей серебром, которые Сидор поставил против двухсот рублей, выставленных нанимателем Силантия – купцом Прохоровым Иваном Федоровичем. Спор возник в избе питейной и был пьяный и глупый. Прохоров похвалялся, что Силантию и десяток с дубьем ни почем, а Свиридов драл его за бороду и шипел, что его, дескать, молодцы за десять рублей серебра, прибьют Силашку этой же ночью. Сыпал на стол серебро и крыл, на чем свет стоит противника, раззадоривая и заводя. Вот так и решилась судьба кулачного бойца. Оценили жизнь его в 200-ти рублей серебром. На, которые конечно можно было купить стадо коров и даже дом с приличным подворьем и огородом в Москве века 19-го, но деньги эти для купцов были плевыми

и, им дороже обошлось оплачивать убитых Силантием сторожей и оплата молчания остальных, оставшихся в живых наемников. Пожалели оба потом не один раз о том споре совершенно идиотском, но исправить ничего уже было нельзя. И оба купца, дела свои в Первопрестольной спешно свернули, подавшись в разные стороны.

Пока Михаил, занимался Силантием, Сергей вышел и вернулся с керосиновой лампой, раскочегарив ее на радость детишкам, лижущим активно с посвистом и сопеньем леденцы. Лампа осветила убогое жилище и установленная на кухонном столе, сияла рукотворным солнышком, наполнив избенку уютом и разогнав сумрак по углам.

Михаил подозвал Сергея и попросил его подежурить у входных дверей, чтобы кто-нибудь из домочадцев не ворвался неожиданно и не помешал психотерапии. Тот кивнул и вышел, плотно прикрыв за собой дверь, шепнув, проходя мимо печи, ребятишкам:

– Сидите тихо, как мышки, пока не разрешат спуститься. Хворь из папани вашего дядя Миша выгоняет, чтобы снова видеть мог. Хорошо?– и ребятишки замотали русыми головами, отползая от края печи. Им было очень жалко тятку, вдруг ставшего таким беспомощным и, чтобы он стал снова прежним, готовы были на все что угодно. А тут леденец дали и просят всего лишь помолчать на печке. Сергей вовремя занял пост у входных дверей, заявила хозяйка и пришлось ей шепотом объяснять, с подоспевшей Надюшкой, суть про-

исходящего.

Услышав о "дохтуре" Дуняша заревела белугой и ушла в коровник, где и прохлюпала носом вместе с Надюшкой, пока им не разрешили войти в дом.

Михаил снова нырнул в сознание сонное Силантия, а тот все полз и полз, цепляясь скрюченными пальцами в замерзшую грязь...

– Сплошной мрак у тебя, Силантий Потапович – это от непонимания происходящего и обид не высказанных. Вот и видеть ничего больше не хочешь, кроме грязи этой, – Михаил присел рядом с ползущим, вышвырнув из сна ночь и осень. Небо заголубело и зазеленела травка, колеблемая теплым ласковым ветерком.

– Ты, ведь, Потапович, знать хочешь, как и за что такое с тобой приключилось? – Михаил похлопал ползущего Силантия по плечу и тот поднял голову, взглянув на него вполне нормальными глазами.

– Хочу, – прохрипел он надсадно и сел, оглядываясь по сторонам.

– По грехам наказует Господь, – вздохнул Михаил. – Вспомни, Силантий Потапович, скольких людей ты обидел в кулачных потасовках? Сколько скул свернул, изувечил, убил?

– Не от зла было, то... – попробовал оправдаться Силантий.

– От любви к ближнему, стало быть? Молчишь? А коль

не от любви, то от зла и есть. Господь остановил тебя. Непотребно жил ты, Силантий Потапович.

– Я честно бился и аки тать со спины в потемках сроду не напал ни на кого. От разбойников добро купеческо охранял и озорства ради, в кулачных забавах участвовал. Велик ли грех, что так за него наказан?

– А как ты наказан? Жив, здоров. Зубы, правда, потерял передние и видеть не хочешь эту постылую жизнь, обидевшись на Бога. Но зубов ты чужих, только в тот день вышиб больше чем у тебя сроду было. Так, где наказание? Увещевание это, а ты не понял. А за что бит и кем? Спор промеж купцов о твоей крутости произошел и пари они заключили, по рукам ударили. А бил кто? Обиженные тобой ранее, твои же товарищи бывшие. Каждый в отдельности боялся тебя, а вот ненависть и неприязнь накопилась такая, что за полтину на брата серебром вышли в ночь, татями став. Это зло твое к тебе вернулось, накопившееся. Закон воздаяния, Силантий Потапович. Многие на тебя зло затаили и выплеснули в ответ, при случае подходящем. Вспомни, кого сможешь и попробуй попросить прощения у них. Сможешь или нет?– Силантий молчал и тогда Михаил прокрутил перед его мысленным взором десятки лиц окровавленных, с подбитыми глазами и разбитыми губами. Мелькнули и со свернутыми шеями, заставив Силантия скривиться в гримасе.

– Всех помню, но вины за собой не чувствую, потому как сзади не напал ни на кого. Честно дрался и сам получал в

ответ. Так и жил бесхитростно,— упрямо сжал он губы.

— Бесхитростно? Те, кто тебе в ответ в лоб врезали, они и думать о тебе забыли, а пришли убивать как раз те, кто не смог расквитаться, хоть как-то. Ни как. "Бесхитростно". А скажи-ка, Силантий Потапович, если здоровый мужик парнишку сопливого пришибет в кулачной разборке? Неумеху, недоросля? На вид взрослого и сильного, но ничего не умеющего? Потому и вышли на тебя толпой ночью, что стоишь не одного такого, а десятка. И ведь дорого им напавшим обошлась та ночь. Пятерых ты убил и десяток покалечил. Их это не оправдывает, но и тебя не обеляет. Понимаешь?— Силантий молчал, насупившись.

— Вот ты давеча сказал, что "правда там только есть, где всем одинаково", помнишь?— продолжил Михаил.

— Ну?

— И где же правда твоя? Где ты одинаков со всеми прочими? Ты талантом кулачного бойца Богом одарен и куда его расходовал? Народ почему зря калечил? Свой русский. Ладно, отщепенцев всяких, но ведь и "озорства ради" тоже.

Нанимали тебя улицы и посады, и ты шел за оплату калечить людей обыкновенных. Талант свой в розницу распродавать принялся. Вот Господь и тормознул слегка. Думай. Аль что непонятное говорю?

— Понятно. И спорить не стану,— Силантий рванул ворот рубахи и всхлипнул, роняя голову на грудь.— В монастырь уйду, постриг приму, замолю...— простонал он.

– Эко выдумал. Монастырь. А ребятишек на Дуняшу с Надюхой бросишь?

– Обуза я им такой...– пробормотал Силантий.

– Какой? Раскаявшийся?

– Слепой,– произнес Силантий едва слышно.

– Да с чего ты взял, что слепой? Был слепой, пока обида глаза пеленой застилала, а сейчас оглянись-ка по сторонам.

Вон, видишь, облака плывут над головой?

Силантий поднял голову и взглянул на проплывающие в небе барашки белоснежные.

– Вижу, но не верю. Сон это.

– Не сон это,– возразил Михаил.– Это мы с тобой душами общаемся, а сейчас ты откроешь глаза, когда я в ладони хлопну и будешь так же все видеть,– Михаил открыл глаза, стряхивая наваждение, и хлопнул в ладони.

Силантий от хлопка буквально подпрыгнул на лавке и сел рывком, вертя головой по сторонам. Лампа керосиновая с отражателем Кулибина, заливала помещение так ярко, что он невольно прикрылся от нее рукой и спросил.

– Это уже не сон? Или я еще сплю?– и улыбнулся печально-виноватой улыбкой.

– Уже нет,– ответил ему Михаил.

А потом выли радостно женщины и визжали восторженно детишки, спущенные с печи. Эти буквально повисли на Силантии и он виновато разводил руками.

Вернулись с поденщины средние сыновья и тоже радостно

запрыгали вокруг отца, похожие на него, такие же светлотоволосые и поджарые, как овчарки. Но эти еще в подростковом возрасте и чувства свои скрывать пока не приучившиеся, радовались и вытирали рукавами латаных, перелатаных рубах слезы радости, бегущие из глаз.

– Вот теперь, пожалуй, и поговорить можно,– Михаил подмигнул Сергею и тот снова убежал к повозке, а вернулся с новеньким тульским самоваром, скомандовав совершенно по-свойски.

– Бабоньки, ну-ка раздухарите окаянного,– и сунув самовар Надюшке в руки, принялся выкладывать из мешка подорожного на стол продукты. Чай, сахар, кренделя, пряники и прочее необходимое для чаепития даже посуду не забыв, от чашек до ложек.

– Потапыч, не напускай на себя смурной вид. Праздновать будем твое выздоровление, а коль уговорим к нам на работу определиться, то считай это авансом в счет оплаты,– Сергей озорно подмигнул малышам и, те захихикали, разряжая напряжение. Потом все сидели чинно за столом и хлюпали чай из булькающего, блестящего, в медальях самовара.

– Чисто енерал,– похвалила агрегат Дуняша, поправляя прядку волос и глядя в его зеркальный бок.

– Куда там генералу до него. Ведро влезает а шельму. Какой генерал может такое?– откликнулся Сергей, насмешив опять младших ребятишек. Им он понравился после леденцов настолько, что и на лавку уселись с двух сторон от "дяди

Сереги". Было меньшим лет по пять и оба в длинных застиранных до белизны рубашках, они пока не очень отличались друг от дружки с одинаковыми курносими носами и лохматыми русыми головками. Сергей все приглядывался, пытается понять кто из них Манюша, а кто Ванюша и постоянно ошибаясь, веселил их и того пуще.

– Так что за нужда во мне у школы вашей кадетской? – наконец не утерпел и спросил Силантий.

– Инструктор – рукопашник нужен, – ответил Михаил, взглянув в его теперь уже зрячие глаза. – Давно ищем. Фехтовальщик у нас есть – мастер клинка, а вот рукопашка пока на уровне "как дам больно", без мозгов, на силе одной, – Михаил несколько лукавил и, с рукопашкой в школе было не так уж и катастрофично. И он, и Сергей с удовольствием прыгали в спортзале, показывая кадетам все, что умеют. Но встреча в 1941-ом с Семеновым – самородком кулачного боя, заставила их по-новому взглянуть на эту проблему. Если в генах одного русского есть такая память, то почему не попробовать разбудить эту память и у других? Или привить на уровне рефлексорном. Михаил еще не думал о методиках и нужно ли методизировать, то, что словами не выскажешь, а разве что только научишь и то, своротив при этом несколько раз челюсть обучаемому.

– Так уж и плохо будто бы? А я вот слышал, что ваших кадетов на Москве нынче очень даже уважают и как раз за то, что никому спуска не дают.

– Вранье и пустословье,– отмахнулся Михаил с досадой.– Кто уважает? Те, кто сам и вовсе ничего не может.

– А вам нужно, чтобы кто уважал?– Силантий усмехнулся и взглянул в глаза Михаила с явной иронией.

– Нам нужно, чтобы парни, прежде всего сами себя уважать приучились, а для этого нужно быть сильным и ловким. Впрочем, дело даже и не в этом, Силантий Потапович. Дело в том, что талант вот такой как у вас, он такая же редкость как талант иконописца-художника или музыканта и встречается один раз на миллион человек. Нельзя, чтобы пропало такое сокровище и в народе не сохранилось. А врагов у него всегда хватало. Встретили мы недавно с Сергеем такого же вроде вас бойца...– Михаил улыбнулся...– Семенов Иван Ефимович, прямо скажем, удивил своим умением. Ваше мы пока не видели, но даже со слов свидетелей что-то похожее и у вас по технике. Мы это "Русобоем" промеж себя условно пока называем, но времени на осваивание и изучение у нас, к сожалению, не было.

– Семенов Иван Ефимович? Не слыхивал о таком кулачнике. Есть в Рязани один мужик-боец, так вот тот говорят, чудеса творит. С десятерыми выходит на бой и разрешает им пользоваться холодным оружием. Вот кто вам нужен. А я что умею? Эвон набежали толпой с дрекольем и в землю втоптали,– скривился Силантий, вполне искренне унижаясь.

– И как зовут этого мастера знаете? Из какого сословия?– заинтересовался Михаил.

– Обыкновенный мужик крепостной, лапотник. Звать Викулой, а фамилия Плюхин. Только думаю, что не фамилия это, а прозвище скорее уж. Вот кто вам нужен, – обрадовался почему-то Силантий.

– Мы рязанского этого умельца поищем всенепременно, но и вас привлечь желание есть просто огромное. Подумайте, Силантий Потапович. Условия труда обеспечим достойные. Восьмичасовой рабочий день с воскресным выходным. Оплату рублей двести назначим и обмундирование за счет Торгового Дома. Дровами тоже обещаем снабжать за счет фирмы. Обед во время работы бесплатный. Соглашайтесь. Парни у нас дисциплинированные, уважительные, вам они понравятся. Подумайте, посоветуйтесь с супругой и хоть с завтрашнего дня приступайте. Отпуск у нас еще оплачиваемый раз в год в летнее время месяц, ну и если не дай Бог прихворнете, то дни эти тоже оплатим.

– Как это? – не понял Силантий. – Я, значит, буду на печи чихать, а вы мне за это заплатите?

– Так ведь нам вы здоровым нужны, а если заболете, то на что жить станете? С голоду помрете. Поэтому платим, но только действительно больным и лекарями проверенным.

– А коль умрет человек неровен час? Тогда как? С семьи востребуете? – удивился Силантий еще больше, задавая следующий каверзный вопрос.

– Не дай Бог конечно, но не востребуем, а хороним по православному обряду за счет Торгового Дома и семье пла-

тим пенсию. Вдове пожизненно оклад жалования.

– У вас что, в подвалах ассигнации печатают? Девать некуда? Пошто так не по... Не по-хозяйски,– подобрал слово не сразу подходящее Силантий.

– Отчего же? Как раз наоборот. Мы ведь не только сегодняшним днем живем, но и завтрашним. Вот случись, что с вами взрослыми и что будет с детишками? С Ванюшей и Маняшей? Ваши старшие, конечно же, не бросят их. А ведь есть семьи, где малышня одна. Особенно в молодых семьях. А парни-то эти в самом расходном и востребованном возрасте. Гибнут, стало быть, чаще. И куда вдовам с детишками малолетними? На паперть? А нам нужно, чтобы они выросли не задохликами, а крепкими мужиками и встали на место своих отцов. Понятно излагаю?

– Куда уж понятнее,– кивнул Силантий и поскреб заросший бородой подбородок.

– Брить бороду требуется?– спросил он вдруг и набычился.

– Носи, коль нравится,– улыбнулся Михаил и достал из дорожной сумы папку с бумагами, чернильницу и выложил готовый договор-контракт на обеденный стол.

– Грамотны, аль как?– спросил он хозяина.

– Два класса ЦПШ,– опять заскреб в бороде Силантий.

– Тогда оставляю для ознакомления. Здесь все попросту расписано. Прочитаете, вот здесь впишете свою фамилию, и приходите в школу. Там найдете или вот нас, или Петра

Павловича, или Федора Леонидовича. Они будут в курсе.

– А че читать? Я согласен,– Силантий взял в руки гушиное перо и неуклюже макнул его в чернильницу. Потряс над ней, убирая лишние чернила и коряво вывел в указанном месте.

"Семин. Силантий".

– Семин значит?– Михаил присыпал песком чернила и, дав им просохнуть, стряхнул песчинки.

– Да, а что?

– Я же говорил что Семеновым Иваном Ефимовичем, зовут того бойца. Почти однофамильцы вы с ним, однако.

– От одного имени фамилии,– согласился Силантий.

– Ну что же. Ждем вас завтра в школе в 8.00 часов. Занятия у нас начинаются в 9.00, вот за час до них и приходите. Там уж предметно и обстоятельно обо всем переговорим.

Семин Силантий Потапович появился на другой день ровно в 8.00 и с ним долго беседовал Петр Павлович. И даже в спарринге захотел схлестнуться. Но получив пару затрещин, непонятно каким образом, поднял руки, сдаваясь:

– Техника абсолютно непонятная и не поймешь, откуда прилетит плюха. Так что, Силантий Потапович, я ваш первый ученик. А вашу методику будем изучать основательно и внедрять,– пожал уважительно Семину руку и тот запунцовел, как подросток. Когда же ему выдали вещевое довольствие, согласно с установленными нормами, то совсем растерялся, получив в свое распоряжение столько одежды, что даже руками развел на вещевом складе.

– Куда же столько одному? И где все хранить?– Гриня, выполнявший обязанности завхоза ФЗУРМА и по совместительству кладовщика, сунул ему ведомость и, ткнув пальцем в место для подписи, охотно пояснил:

– Комнатенка вам положена для этой надобности. Кабинет называется. На втором этаже, вон того флигеля. Специально ноне пристроили для преподафателеф. Получите ключ от дверей. Номер у вас седьмой. Мебель там имеется кой-какая. Можно, коль надобность возникнет и заночевать,– и помог новому служащему донести имущество полученное в "кабинет".

"Кабинет" был попросту однокомнатной квартирой и обставлен скромно совершенно по-спартански, но Силантий буквально обмер на пороге, увидев на окнах шторы, а на полу паркет. Кровать панцирная и столик письменный его вообще лишили дара речи, а трехстворчатый шкафище с зеркалом и вовсе чуть не сделал заикой.

– Размещайтесь пока,– сгрузил вещи Гриня и уже выходя, напомнил.– Обед у нас в час после полудня. Трапезная на первом этаже при кухне. Переодевайтесь в служивое, да не опаздывайте. С колефтивом знакомиться будете.

А через неделю Силантий уже вписался в учебную программу и «скорешась» с учителем фехтования Кудряшовым Иваном Савельевичем, проводил занятия, да так бойко и уверенно, будто всю жизнь занимался тренерской работой.

Когда же он заявился в первый вечер домой с новой служ-

бы, переодетый в "служивое", то домашние его и не признали сразу, а Дуняша всю следующую неделю называла непременно по имени отчеству, смеша Силантия до слез. А получив свое первое жалование на новой работе, Силантий отправился не домой, как предполагали коллеги, закупившись всяко-разно, а к соседу – Митьке Пряхину. С которым рос от сопливого детства бок о бок, был даже в родстве дальнем и с обозами купеческими хаживал вместе бывало, в сторожах.

Избенка Пряхиных напротив Семиных перекосилась и семья в этот год бедствовала по причине затянувшейся осени. Глава семейства никак не мог найти постоянную работу и перебивался случайными заработками. Семья подъедала последние запасы и сидела в буквальном смысле слова на хлебе и воде. Дрова, опять же, заканчивались и избу едва протапливали, поэтому семейство сидело, замотавшись во все имеющееся тряпье, а в хлеву жалобно мычала полуголодная скотина. Корма Пряхины также не запасли, и Митька чесал голову, решая дилемму, как поступить со скотиной. Продать или зарезать. И так и так получалось пакостно и обидно. Когда Силантий ввалился в горницу и перекрестился на закопченный образ Николая Угодника в красном углу, хозяин обмер и, открыв рот, вытаращившись на него, как на покойника, вставшего из гроба.

– Чего уставился, Митяй? Аль не узнал? Принимай гостя, накрывай стол, – обратился к нему Силантий, стоя на пороге.

– Так ты че... выздоровел чтоль? – опомнился Пряхин,

растягивая губы в улыбке.

– А ты надеялся, что Богу душу отдам? Нет, брат, я еще пожить решил маненько. Вот Ванюшку женю, да Манюшку замуж выдам, тогда и на погост, а пока хрен вот вам,– оскандился ответно Силантий.

– Мстить пришел?– ссутулился Митька.– Убьешь теперя? В своем праве ты, че там...

– Мстить? Нет, поговорить,– Силантий прошел к столу выскобленному ножом до белизны видимо совсем недавно и поставил на него корзину. Потом так же обстоятельно начал выгружать рядом всякую всячину, заставив все семейство Пряхиных вытаращить глаза и сглотнуть дружно слюни. Трое детишек, мал, мала, меньше тарасились на кульки с пряниками, связку бубликов и еще несколько бумажных кульков, из которых просыпались на стол яркие конфетные фантики.

Силантий сунул в руки обмершей Танюхи Пряхиной – супруги Митьки свиной окорок и кивнул на мешок оставленный им при входе.

– Вона там крупа, да картошка. Вари, мать, ужин для семейства. А рот закрой, не ровен час запрыгнет, что непотребное. Ребяшня, налетай на пряники без стеснения, а мне с вашим тяткой посудачить надо,– Пряхины все еще в ступоре пребывая, пялились на гостя и он рявкнул совершенно по-свойски, приводя их в чувство:

– Ну, что рты раззявили? Петька, за водой, Татьяна, шеве-

лись, давай с чугунками, остальные марш к столу, угощаться. Петрухе оставьте,— и семейство засуетилось, выполняя команды.

— Пошли во двор, Митяй, не будем мешать,— предложил неожиданный гость хозяину и тот послушно двинулся за ним следом, растеряно оглядываясь на гомонящих у стола детишек.

Во дворе Силантий взял Митьку за ворот и, притянув к себе, тихо произнес, глядя в его широко раскрытые от испуга глаза.

— Я чего зашел-то, Матвей? Спасибо зашел сказать, за то, что не зашиб до смерти в ту ночь темную. Молчи, знаю, что скажешь. На все Воля Божья и Он тебе Судья. Нет у меня к тебе претензий. Коль дубину взял в руки, стало быть, шибко обижен был, а я по шалопутности видать и не припомню за что. Видать, походя как-то зацепил, да и сам не ведал, что сотворил. Так что спасибо, брат, и прости, коль сможешь. Ведь не за полтину же серебра ты совесть продал?— Митька вытаращил глаза совсем по-рачьи и хлопал губами, не зная, что сказать.

— Дак, дак... ты че-о-о? Знашь?— ноги у Пряхина тряслись и подкашивались от страха, а в голове металась мысль, прыгая заполошной белкой от виска к виску,— "Все одно прибьет. Покуражиться сперва решил",— мысль эта прошиблась испариной на лбу и потекла струйками пота по щекам, а Силантий, прочитав ее в мечущихся глазах Пряхина, полез в

карман и вынув 20-ть рублей ассигнациями, сунул их ему в руку. Сунул, поклонился в пояс, да и пошел прочь со двора.

– Э-э-э-э,— услышал он за спиной и оглянулся. Митька стоял, протягивая в его сторону руку с деньгами.

– Что?— спросил Силантий.

– Сил, прости Христа ради. Нечистый попутал. А денег я не возьму, не могу... Я что совсем на Иуду похож?

– Не тебе это, а семье помощь,— отрезал Силантий.— Пока сидишь без работы, на дрова и корм для скотины. И кто старое помянет, тому глаз вон! Бери и злое забудь, Христом Богом прошу,— Силантий шагнул к Пряхину и протянул руку.— Бог велел любить ближнего, аль забыл?— и Митька, крученый, битый жизнью, прощельга, шельма и вор, завыл в голос, повисая на нем и содрогаясь в рыданиях. Так и стояли обнявшись по-братски, один рыдал, а второй гладил его по спине в драном кафтане и приговаривал:

– Ну, будет тебе, Мить. Ровно по покойнику воешь, че люди подумают?

– Прости меня, Силушка, окаянного. Злоба душила тогда. За пустое совсем, за то, что ты эвон какой удачливый, а у меня все наперекосяк. Зави-и-и-исть лютая,— каялся Пряхин, уткнувшись в ворот полушубка Силантия.

– Ну и ты прости. Забудем, Мить, да попробуем жить по совести, по-христиански. Аль не сможем?

Силантий отстранил от себя зареванное лицо соседа и тот закивал головой.

– Смогем. Вот те крест.

– Вот и ладно. Иди в избу, простынешь в своей одежонке, не приведи Господь,– Силантий обнял Митьку и, расцеловав трижды, перекрестил.– Иди с Богом, Дмитрий,– повернулся и ушел, а Пряхин еще долго стоял у перекошенного крыльца, глядя на оставленные им следы на снегу, и бормотал по-синевшими от холода губами.

– Спаси Господи, спаси Господи...

Глава 5

Не забыл Михаил и о рязанце Плюхине Викуле. Отослал людей на розыски и очень обрадовался, когда через месяц все его семейство привез в Москву Игнат Борисов. Справился бывший разбойничек с возложенной на него миссией отлично и выкупил семью Плюхиных у ихнего барина совсем за дешево, но докладывая, переминался с ноги на ногу и глаза прятал.

– И чего топчешься, как жеребец в стойле? Говори чего там не так?– заметил Михаил его нерешительность и озабоченность.

– Михайло Петрович, отец родной, я все как велено вызнал, да переспрашивал по сту раз у всякого, но сомнения меня берут тот ли это Плюха, что нужон...– Игнат Борисович фыркнул в бороду.– Больно неказист боец-от. Семья, правда, из десяти ртов, так что тут он дока спору нет, а вот как того... насчет кулаков... тут я весь в сомнениях пребываю. Какой десяток с дубинами? От одного бы отбил.

– Ну, на нет и суда нет. В Ивановку тогда отправим, пусть пашет вольно, Борисович. Веди, чего уж. Где он там?

– У дверей со всей фамилией, при узлах,– с готовностью сообщил Борисов.– Только из возков.

– Не жрамши, значит все?

– Сразу к вам?

– Не горит. Накорми сперва, да переодень в чистое, после баньки. Пади в рубище?

– Ветхое все, понятное дело.

– Два часа хватит на все?– Михаил оторвался от просмотра аномального графика в районе г. Курска.

– Успеем,– заверил Игнат.

– Я спрашиваю не мало ли? Чего суетиться? Не на пожаре чай?

– Ежели только мытье, да переодевание с трапезничанием, то вполне,– закивал поспешно головой Игнат.

– Ну и вперед. Через два часа Викулу ко мне, а семейство его определи куда-нибудь в школе. Там во флигельке есть еще конуры пустые? Есть. Вот и славно. Пусть пока там поживут. Выдели им пару номеров, пока постоянное жилье не подберем. Гриня пусть поставит на довольствие, как положено, и барахлом обеспечит необходимым на первое время. Ну, не мне вас учить. Давай, шевелись, Игнат Борисович.

Игнат выскочил за дверь, а Михаил повернулся к сидящему на подоконнике и дымящему в форточку Сергею.

– Январь 1809-го, не пора ли наведаться в мазаришарифку? Что-то пару деньков у нас с тобой затянулись, не находишь?

– Я то что? Ты тут зацепился. А мы люди служивые, команду ждем,– заулыбался Сергей и, вмяв сигарету в пепельницу, закончил.– Дело наше телячье.

– Ладно, не юродствуй. Дел неотложных действительно

накопилось. А сам, между прочим, проторчал две недели в Питере у Акакия и вернулся с наглой рожей, будто не своевольно туда умотал, а послан был, слезно упрощенный.

– Да я звонил, чуть не каждый час Аннушке и все время спрашивал ее, не ищешь ли часом,– возмутился Сергей совершенно искренне.– Чего я буду тебя дергать, коль все нормально? Там два этих братца Романовы так развернулись, что просто слов нет и лезть в их кухню я не стал. Поправил кой-чего чуток.

– Чуток? Это чего?

– Ну-у-у. Прибавил слегка жалование служащим. Они сами не решались. Цены-то растут в связи с кризисом мировой экономической системы,– Сергей глубокомысленно поднял вверх палец.

– Ты с 21-м веком не перепутал часом век 19-ый?

– Ну, европейской системы, какая нахрен разница? Цены-то растут? И когда отправляемся?

– Давай завтра с утра. Разберемся с янкесами выпендосными по-быстрому и оттуда в 1943-ий, под Курск.

– Длинный крюк, я смотрю, планируешь,– вздохнул Сергей.– Без Курска ни как?

– Ни как. Там узелок нужно распутать. Думаю, что вдвоем нам там не справиться будет и придется Павловича с Силиверстовичем привлечь.

– Их-то зачем?– стал совсем серьезным Сергей.

– Слышал про танковое сражение под Прохоровкой?

– Ну, в кино видел и читал кое-что...

– Придется нам в нем поучаствовать. Думаю, что танки в Сибирской пирамиде не просто так оказались в наличии.

– Ты и танки туда тащить собрался?– Сергей даже при-
свистнул от "планов грамадя" Михайловых.

– Думаю, что лишними не будут. Прочитал я внимательно кой-какие материалы о том бое под Прохоровкой. Там Ротмистров командующий буквально влетел в противотанковый ров, про который ему сообщить не удалось вовремя. Некому было воевать, Серега, против немецких "Тигров" и "Пантер" в поле. Вверх траками танковая армия валялась, влетев сходу в свой же ров. Ну и, кроме того... Еще одна гадость там приключилась...– Михаил замолчал, нахмурившись и, ткнул карандашом в заштрихованный участок на карте.– Вот видишь?

– Что это значит?

– Ядерные фугасы это значит. Немцы под Курском вывалили их на наши войска все, что успели собрать к тому времени.

– Вот, блин,– Сергей уставился в карту озадаченно.– Почему же наши военные историки молчат об этом?

– Во время боевых действий молчали, потому что паники боялись. Зачем Иосифу Виссарионовичу рекламировать убойность фашистского оружия? А уж после войны помалкивали по другим причинам. Из соображений секретности. Ядерный фугас – тема закрытая до сих пор. Видишь ли... это

в каком-то смысле чистое оружие. Тактически очень убойное, средств доставки особенных не требующее и позволяющее вести обычные войны. Но на порядок выше любого В.В. По разрушительности на грамм вещества. Поэтому помалкивали о нем все члены так называемого «ядерного клуба». Представляешь, чтобы началось, если бы технология этих фугасов стала бы доступна любому желающему? Применять стали бы тут же. От мелких глобальных конфликтов, до террористических операций всяких там бенладанов. Супердержавам оно надо? Видимо существуют очень закрытые межгосударственные соглашения, которые заключаются на уровне глав государств и за порог их кабинетов не выползают. Ни кто, ни где, ни когда об этом не сообщал в СМИ. Даже не фантазировал на эту тему. О чем это говорит? Пресекают в зародыше даже легкие поползновения в этом направлении умов пишущей и снимающей братии.

– Неужто ничего нет совсем?

– Ноль. Я специально группу Васькину озадачил, причем разрешил собрать всю информацию без проверки на достоверность, вплоть до побасенок и анекдотов... Ничего. В начале пятидесятых мелькнуло пару статей в технических журналах у нас и на Западе, но и у нас и там, кто-то так цыкнул, что тиражи эти моментально стали раритетными. В единственных экземплярах можно обнаружить у библиофилов, за огромные деньги приобретенные. И это только при слабой попытке сослаться на чьи-то побасенки. Информация

есть в сети Интернетовской, на уровне сплетен и появилась она естественно в последние годы. Американский журналист и бывший гражданин СССР – Марк Штейнберг что-то попытался вякнуть про фугасы стоявшие на вооружении в СА и якобы перекрывающие границу с Китаем. Для этой, мол, цели и создавались весом всего 25 кг. Мощностью в 1-ну килотонну. Это 1000-ча тонн тротила. Но это по сути маленькая атомная бомба со всеми ее отрицательными последствиями. Радиацией т.е. делающей непригодными для использования природные ресурсы и превращающие войну в дорогостоящую бессмыслицу. О менее мощных фугасах информации – ноль. А у Рейха уже в 41-ом были весом в 5-ть кг и мощностью в 0.1 килотонну. Действие этой бомбы мы с тобой имели счастье наблюдать совсем недавно относительно. Помнишь горящий лес? И самое главное – никакой особенно высокой радиации. Приходи и пользуйся ресурсами. И если даже от 25-килограммовых и США и Россия отнекиваются, пресекая утечку информации, то о 5-ти килограммовых нет даже и разговоров. Полная тайна за семью печатями. Впору поверить, что миром уже правит в 20-м и 21-ом один координационный центр международный, а правительства – это дань традиции или самая большая афера всех времен и народов. Спектакль марионеток для Человечества. Посмотри, как дружно, будто по команде и СССР и США свернули исследование лунной поверхности. И заметь, для этого никаких переговоров и договоров подписывать не пришлось...

Просто перестали ползать по поверхности Луны наши луноходы и янкесы один раз высадившись, потоптались вокруг корабля и смылись навсегда. Молчанием отвечают на вопросы общественности, все кто компетентен. Дураками прикидываются непонимающими. И даже фильмы появляющиеся о том, что американцы фальсифицировали посадку на Луне, сняв фильм в спецпавильоне, не опровергают и авторов фильма к суду не привлекают. Им даже такой вариант годится, – "Пусть говорят что хотят, лишь бы правду не узнали". – Вот на что это похоже.

– Ты думаешь, что после Второй мировой войны, появилась группа лиц, которая контролирует весь мир?

– Несомненно. Сначала они "прикрутили" под себя весь Запад, а с 90-х распространили свое влияние и на Россию. Но я больше скажу, что и до распада СССР эти ребята влияли на политику проводимую ЦК КПСС. Доказательство чему, вот такое дружное молчание и исполнительность дружная. В определенных вопросах все правительства удивительно единодушны. Значит, имели контакты так называемые "без галстуков". Ну а уж после 91-го Россия хоть и самая большая по территории, но, пожалуй, и самая послушная марионетка. Население, правда, строптивное проживает в этой стране, но с этим они справятся, не сомневаюсь. Сократят поголовье и приведут к нужному уровню понимания и мышления. Мини фугасы, Серега, незаменимая для этого вещь.

– То есть?

– То и есть, что ждать пока население России само вымрет они не собираются, а развяжут пару войнушек междуособных, вроде чеченской и подбросят желающим эти боеприпасы. Сами себя и укокошим.

– Почему до сих пор тогда это не сделали?

– Причин несколько. Первая – это программа утилизации ядерного арсенала России не завершена. США скупают утилизированный оружейный плутоний сотнями тонн, по бросовой цене и даже оплачивает эти работы, финансируя весь процесс. Уже 5-ть миллиардов баксов выложили, только на охрану ядерных объектов. На оснащение техническое. Ну и вторая, пожалуй, не менее важная причина – это желание захватить все ресурсы в собственность, как положено юридически оформив. Транснациональные корпорации скупают "заводы и пароходы" по дешевке и бардак им пока не нужен. Вот скупают все, тогда и, подведя итоги, займутся строптивым населением.

– Чернуха короче корячится?– сплюнул Сергей.

– Да уж, радужными перспективы населения России не назовешь. Увы. Оно лишнее на этой территории, под которой плещутся моря нефти и газа. Не дай Бог, кто-то умудрится объяснить этим варварам, что они являются коллективным собственником этих морей. Боятся "Хозяева мира", такого варианта пуще всего. Но готовятся именно к нему. И вот тогда фугасы эти будут в самый раз вовремя, а пока нет их как бы. Или не должно стать на самом деле. А вот это и есть на-

ша задача – МАКСИМУМ. Для этого и на Курскую дугу в 43-ий отправимся. Понимаешь? Там кончик ниточки и наша задача распутать весь клубок.

– Почему Курск? Может с Аушвица начать или с Рейхканцелярии все же? Там клубочек-то, за какой кончик ни потяни.

– Не-е-ет! В том-то и дело, что Рейхканцелярия и Аушвиц – это ориентиры ложные, всем видимые, как капканы. Есть где-то настоящее логово. СУПЕР ЛЕЖБИЩЕ. И где оно, мы не знаем. Я к этому выводу пришел, проанализировав всю имеющуюся информацию о СТН. Ниточки, ведущие в Рейхсканцелярию будем отбрасывать без сожаления. Производственные площадки нас тоже не интересуют. Нас интересует, то место, куда Леонидович в своем сне попал. Бункер этот золотой. С тенями шипящими. Это "теплее" будет, пожалуй.

– А Леонидович как? Не видел больше ничего с тех пор?

– Нет пока. Говорит, ничего такого. Хотя, говорит, что во сне теперь, что хочет, то и делает. Как это у него получилось тогда, в контакт войти, ума не приложу...

– А нельзя его попробовать, как например Силантия усыпить, в голову пролезть и прогуляться по закоулкам сознания? А, Миш?

– Да не знаю я. Что я специалист что ли? Образование, опять же, среднее, – Михаил взглянул на Сергея просительно.

– Отстань а? Без тебя тошно. Я попробую, но вероятность ноль целых, ноль десятых процента, что что-то получится. Блок там. Я же пробовал тогда сразу, когда Леонидович всем доводил до сведения об этом сне.

– Ну, так пусть вспомнит во сне свой сон и походите там вокруг, да около. Может, увидите местность все же.

– Отвянь, – сморщился Михаил. – Пробовал, не получается.

– Тогда я домой, – Сергей отлип от подоконника и направился к выходу.

– Стоп. А с Плюхиным познакомиться не желаешь? Если верить легендам, про него сочиненным, то Илюша Муромец ему в подметки не годится, а Игнат вон говорит, что "соплей перешибить" можно. Или уникам, или пустышка, но дыма без огня не бывает или бывает?

– Бывает, – кивнул уверенно Сергей. – Хочешь, устрою прямо здесь и сейчас?

– Не надо, – Михаил взглянул на часы. – Сейчас заявятся, – в дверное полотно вежливо поскреблись, будто услышав его последнюю фразу и на пороге появился сначала Борисов, а следом за ним перешагнул его мужичок, росточка совсем не богатырского. Лет сорока, с бородой русой, он и в плечах особенно "косыми саженьями" не блистал. Обыкновенный такой и на улице за пять минут десяток мимо пройдет и половина из них будут крепче и выше Плюхина наверняка. Именно эта мысль и пришла в голову Михаилу, когда он протяги-

вал свою руку Викуле.

Рукопожатие также не произвело на Михаила впечатления ожидаемого. "Мал, да удал" и тут не прокатывало, пожал слабенько и как-то поспешно отдернул ладонь, будто оробев. А вот глаза Михаилу понравились, синие необыкновенно, они смотрели бесхитростно и доверчиво.

"Ну, коль не боец, так и не злодей явно. Глаза умные", – подумал Михаил и поинтересовался, доволен ли гость обедом.

– Премного благодарны, барин, – поклонился Плюхин в пояс. – И банька у вас знатная.

– Тогда присаживайтесь, Викула... как вас по батюшке?

– Петров сын, барин. – Опять поклонился Викула.

– Вы, Викула Петрович, присаживайтесь и барином меня не называйте. Зовут меня Михаилом Петровичем. А это друг мой – Сергей Алексеевич, познакомьтесь. Его тоже барином называть не нужно, – Сергей протянул Плюхину руку и тот опять пожал ее с робостью, ладонь поспешно отдернув. Сергей даже скривился слегка, отворачиваясь, чтобы не обидеть мужика.

– Садитесь и рассказывайте, – Михаил дождался пока Викула присядет на краешек стула и сел сам.

– Что изволите услышать, Михайло Петрович? – Плюхин непонимающе, переводил взгляд с одного лица "барского" на другое. Он искренне не понимал, чего хотят от него "баре", выкупившие семейство его и увезшие сюда в Москву.

– Игнат Борисович, значит, вам ничего не сказывал?– Михаил взглянул на Борисова и тот развел руками.

– А что он должен был рассказать?– Плюхин непонимающе взглянул на Игната.

– Да должен-то не был. Просто я подумал, что во время путешествия вы всяко поговорить успели по душам и он вкратце объяснил вам кто мы и чем занимаемся.

– Говорил... как же. Что училище у вас, что фабрика спичечна, что работы много...– Плюхин обвел всех присутствующих беспомощным взглядом.

– Ну и ладно. Не будем вас терзать. Мы вас разыскали и выкупили по рекомендации Силантия Семина, а он заверяет, что вы знатный боец-рукопашник и будто бы против десятка мужиков можете выстоять в схватке, да еще разрешаете им холодным оружием пользоваться. Так ли это?– Михаил ожидал услышать робкое возражение, так как уже "вычислил" Викулу Петровича вдоль и поперек, а вопрос этот задал скорее, для очистки совести, ответ "зная" заранее.

– С Силантием не знаком. И кто ему про меня эту байку рассказал не знаю,– пробормотал Плюхин.– Токмо мне, Михайло Петрович, без разницы сколь народу вокруг соберется, десять аль сто. Больше десятка сразу все одно не подойти. И чем супротивников-то больше, тем им и хуже. Мешают только друг дружке,– Плюхин заулыбался весело и сразу преобразился. Робость куда-то улетучилась и Михаил с удивлением заметил, что парень хоть и роста среднего, но чувствуется

в нем сила какая-то внутренняя. Он даже против своих правил мысли решил просканировать Викулы и удивился, когда ему это не удалось. Брызнуло оттуда светом с зеленцой и, более никакой информации считать не удалось.

– Вот так значит?– удивился он.– И показать сможешь прямо сейчас свое умение?

– Отчего же, извольте,– согласился Плюхин, с готовностью вскакивая на ноги.

– Сто человек у нас для вас нет с ножами и кистенями, но вот Сергей Алексеевич кривится весь в недоверии, а он считается у нас не самым плохим рукопашником, покажите на нем,– предложил Михаил.

– Бога ради, пушай нападат,– согласился покладисто Плюхин и принялся подворачивать рукава новой рубашки.

Сергей с недоверием взглянул на Викулу, который оказался ниже его на голову, и хотел было уже отказаться, но тут Михаил ему напомнил.

– Семенова Ивана Ефимовича не забыл ли, Сергей Алексеевич?– и Сергей сразу подобрался и, кивнув коротко, пошел вокруг Плюхина кошачьим шагом, выбирая удобный момент для удара. Сергей собирался просто хлопнуть его по лбу ладонью, чтобы расставить все точки над и, но вспомнив Семенова, решил отнестись к противнику со всей серьезностью и проделать это как положено. А тот стоял, опустив руки и, улыбался застенчивой улыбкой, поворачивая следом за ним лицо. Сергей сделал ложный выпад и вlepил стоящему

неподвижно Плюхину щелчок в лоб. Однако рука свистнула мимо, а Плюхин оказавшийся вдруг мгновенно сзади, и делать ничего не стал, а только слегка подправил Серегино тело и, его понесло через все помещение, выкручивая в штопоре. Прилетел в результате в стену спиной и едва отлип от нее со стоном и скрежетом зубным.

– Ну как?– спросил Викула Петрович.– Не зашиблись, Сергей Лексеич? Еще желаете?

– Желаю очень...– проскрипел тот,– Да организм против что-то,– потом улыбнулся загадочно и хлопнул в ладоши, подмигнув Михаилу. И тот пожал плечами, не возражая против "Завесы".

– Теперь ты нападай, Вавила Петрович, предложил Сергей и услышал.

– Пошто я? Я сроду ни на кого не напал и не умею, стало быть. Коль желание есть ударить, бейте, а меня увольте. Сроду никого не обижал.

– Ах, вот значит как?– Сергей пожал плечами, и не стал препираться со странным рукопашником, который умел только обороняться. Размахнулся и попробовал достать Плюхина без затей, особенно не прилагая силу, но быстро. И снова промахнулся, попав в пустое место и обнаружил Викулу стоящим опять у него за спиной, выкручиваясь в полете инерционным. На этот раз на пути Сергея оказался письменный стол, и он врезался в него, отшвыривая к окну и сворачивая дубовую столешницу.

– Эй, Серега, кончай крушить мебель,– Михаил отскочил в сторону вовремя и Сергей зарывшийся в то что осталось от письменного стола, пополз в его сторону на четвереньках, бормоча под нос:

– Семенов... Семенов... Спасибо что напомнил. Сам попробовать не желаешь?– и уселся прямо на полу, глядя на Михаила снизу вверх.

– Мне-то зачем пробовать? Достаточно и твоей проверки. Хотя...– Михаил повернулся к Плюхину...– Значит, говорите, Викула Петрович, что сроду ни на кого руки не подняли?

– Так, Михайло Петрович,– кивнул тот.

– Кажется, я понял кое-что,– Михаил подошел к Плюхину и резко попытался не ударить, а схватить просто за плечо и тот мгновенно сместился, перетекая буквально ему за спину и размазываясь в пространстве тенью. Но Михаил ожидал это и уже наносил удар назад локтем, резко и наверняка. Потом его понесло по какой-то замысловатой траектории, несколько раз проворачивая и даже сгибая. Закончился полет все у той же стены, которая сотряслась второй раз за пять последних минут.

– Ловко,– Михаил улыбнулся и протянул руку Плюхину.– Поздравляю, вы приняты на службу в качестве тренера.

– Это как? Кем?– не понял Викула.

– Учить ребятешек своему методу будете. Как использовать собственную силу противника против него же самого. В этом ведь весь ваш способ бойцовский? Понятно, почему

вам все равно сколько людей и какие они. Чем здоровше, тем и лучше, а чем народу больше толчется вокруг, тем им же хуже, перекалечат друг дружку в полетах. Истинно самородок вы, Викула Петрович. Если ребятишек наших научите своему умению, то большое дело Богоугодное совершите. У нас крестьянские дети-то в основном обучаются. Согласны ли учить? И будет это вашей работой тогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.